

СТОЛ, КОТОРЫЙ ПРИПЛЫЛ

Александр Рикунев, Беларусь

Сезон мой летний окончился. Было 3 экспедиции: две первых я, некоторым образом, курировал, а последняя, на Зборовское городище, была уже

полностью моя.

Приключений, слава Богу, почти не было — они обычно имеют способность быть, в основном, неприятными, иногда и опасными. Так что даже не знаю, что и описать... Разве что то, как мы делали столы и лавки...

Перед отбытием «в поля» нам не удалось достать досок. И вот, где-то на второй-третий

день экспедиции сижу в лагере (а он — на высокоом-высоком берегу Днепра), и слышу сопение, пыхтение, невнятные возгласы и легкую ругачку из-под обрыва. Конечно, поднимаюсь, иду посмотреть. И вижу половину моей команды, которая тащит вверх почти по отвесному обрыву здоровенную стенку от парковой беседки. Спускаюсь навстречу — помочь. Взволакиваем. Стенка шикарная, с узорами по бокам, подкрашена ярко-желтой краской... В общем, конфетка!

Фото автора

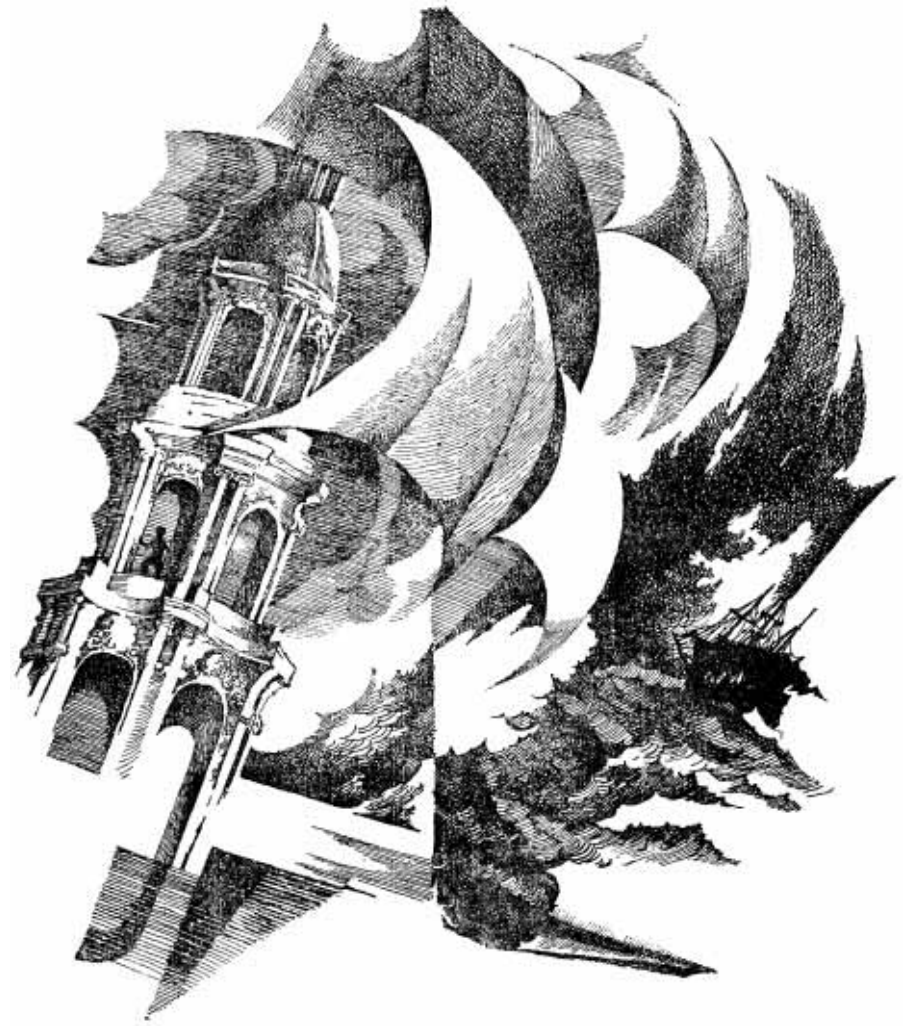

— Откуда?

— Плыла... Мы поплыли и перехватили ее. Стол будет. Стол получился шикарный, а к нему и стулья-лавки. Уезжая, мы даже не бросили его, а спрятали в ближайшей деревне. Я потом догадался, откуда взялась стенка. У нас есть праздник такой — «Купала».

А при нем дурацкий обычай — все ломать. Помню, еще лет 30 назад палили большой костер, гуляли около него до утра, ничего не ломали — ну, иногда могли бревна выкатить на середину улицы, что-то взрывоопасное в костер сунуть (тогда еще много всякой дряни было)... Костер же палили, в основном, из автопокрышек, которые собирали задолго до праздника. Ладно, отключился. Так вот, мне еще до экспедиции рассказывали, что на Купалу в каком-то санатории местные (а может, и приезжие) отморозки учинили форменный разгром. Вот, видимо, и попала стенка от разбитой беседки в Днепр, да застряла где-то в кустах, будто ожидая нашей экспедиции...

• Беларусь, 247250, Гомельская обл., Рогачев, Друтская, 94/2

ЭТОТ НОМЕР ГОТОВИЛИ:

Мария Троицкая (ответственный редактор)

Олег Логачев (верстка): 630005, Новосибирск, ул. Гоголя 21а, кв. 2; e-mail: duric@online.nsk.su

Юлия Налбандян: 344090, Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28/1, кв. 166; e-mail: nalb@math.rsu.ru

Антон Федоров: 117526, Москва, Ленинский пр., 144/5, кв. 61; e-mail: hcab@gagarinclub.ru

Художник Владимир Савватеев (Улан-Удэ).

На 1-й стр. — рис. Е. Стерлиговой к роману В. Крапивина «Острова и капитаны»

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

Если Ваше письмо (или его часть) носят личный характер и не предназначены для публикации — обязательно оговорите это.

ГОЛОС 1 (13) 2001

ОПЕРАЦИЯ

Владимир Савватеев, Улан-Удэ

Описываемые далее события происходили в 1986 году в Москве, во Всесоюзном (тогда еще) научном центре хирургии (ВНЦХ), куда я приехал буквально уже на излете своих физических кондиций, и где мне предстояла большая и сложная операция.

Возможно, в ущерб увлекательности повествования, но сразу скажу, что я остался жив, и все кончилось хорошо. Мало того, в результате я получил относительное здоровье, что дало мне совершенно иное качество жизни. Это является одной из важных причин, по которым я не могу забыть то время. Остальные, не менее важные, причины я попробую донести в тексте.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ (27.08)

Приехали с Мамой и братом к 10-ти. Пошли в приемное отделение. На улице дождь, ветер выворачивает зонтики наизнанку. В приемном сухо, тепло и много народу. Время от времени кого-то вызывают в соседний кабинет. Вот и меня. Меня о чем-то спрашивают. Я что-то отвечаю. Ведут куда-то в ванную, слушать. Докторша — густонакрашенная. Вопросы — ответы. Не курю — расписался.

Вышел. Ждем гардеробщицу в таком составе: я, Санька Васильев и Абдусаламов. Санька — парень лет 16-ти, довольно резвый и, на первый взгляд, совершенно здоровый. Абдусаламов — среднеазиатский тип мужчины с печатью неизбывной скорби на лице. Повели в корпус. Вместе с родными. Поднялись на второй этаж. Гардероб. Переодеваемся. Костюм на плечики, кроссовки в мешок, взял кви-

танцию и вышел. Общительная старушка-гардеробщица все это время что-то втолковывает Абдусаламову. Я себя плохо чувствую. Не понимаю, как ей охота столько говорить. Расстаемся с Мамой и братом, я прохожу в лифт и мы едем на 9-й этаж. Нас усаживают в холле

ждать медсестру, которая расселит по палатам. Холл включает в себя: диван кожаный — 3шт., телевизор «Горизонт» цветного изображения — 1шт., картинки на стенах и цветы. Сидим. Санька, оказывается, лежал здесь 2 месяца назад. Он сунул нам «Правила поведения для больных», а сам со странной улыбкой-ухмылкой куда-то смылся. Сидим. Я некоторое время размышляю над причиной Санькиной веселости, потом углубляюсь в изучение правил. Правила типовые. Поразило одно — душ каждый день с 19 до 20.

Болят живот, спина, колени, поясница, и т.д. Наконец пришла медсестра. Взвесила, смерила. 64-184. Повела в палаты. Предлагает одиночную. Я промолчал. Абдусаламов ухватился за эту мысль. У меня, как всегда, позднее закивание — я думаю: раз я тут ненадолго, то мне и знакомиться ни с кем не придется, так что лучше бы мне в одноместную. Но все — поздно. Повели меня в 908-ю. Палата побольше. Открыт балкон. Две кровати сложной конструкции. Все светло, чисто и сверкает. Вот моя кровать. Можно, наконец, сесть, расслабиться и никуда не

Рис. В. Савватеева

видели нечто необычное, так как общество дало им понятия и образы, которые и формируют человеческое воображение.

Проведя глубокое исследование сообщений о случаях «ночного паралича» (и в тех культурах, где такого рода поверья широко распространены, и в тех, где они практически не существуют, как, например, в нашей), Хаффорд сделал вывод, что рассказы очевидцев поразительно схожи, независимо от места, где это случилось. Такого рода случаи не спровоцированы какими-то традициями, существующими в культуре. «Феномен «Старой карги» может иметь место (и имеет место) при отсутствии самого такого понятия в культуре», — писал Хаффорд.

После этого Хаффорд рассмотрел попытки психологов объяснить происхождение данного феномена и нашел их безнадежно запутанными. Об одном известном психологическом исследовании Хаффорд отозвался так: «Трудно понять, в чем суть явления, опираясь лишь на интерпретацию очевидца. Недостаток научной оценки в применении к взгляду обывателя приводит в этом случае исследователей в тупик». Упорное нежелание психологов и других специалистов прислушаться к сообщениям тех, кто испытал это явление на себе, привело к появлению самых разных теорий, которые лишены эмпирических доказательств.

«Так как речь идет о вещах, которые считаются сверхъестественными, научный подход к данному вопросу вряд ли можно назвать серьезным», — отмечал Хаффорд. «Ведь именно тот факт, что ученые игнорируют показания очевидцев, надолго отсрочил многие научные открытия — примерами могут служить случаи с гигантским кальмаром, гориллами, метеоритами и другими необычными и удивительными (хотя на первый взгляд почти невозможными) явлениями нашего мира. Во всех этих случаях была использована некая научная «рационализация», якобы объясняющая, что же на самом деле видели очевидцы. Ученые утверждают, что рыбаки-сезонники по ошибке принимают плывущие деревья с большой корневым системой за огромных чудовищ, нападающих на лодки; фермеры, согласно этой теории, тоже каким-то образом не замечали крупные камни с вкраплениями железа, лежащие прямо посреди поля, до тех пор, пока эти камни не были освещены молнией. А в данном случае (феномен «Старой карги») ученые утверждают, что дети и малообразованные люди

просто не могли разобраться в том, спят они или бодрствуют, — хотя жертвы люди самых разных возрастов, культур и уровня образования, утверждают, что это был не сон, что они находились в сознании, когда слышали странные звуки и видели загадочные силуэты».

Хаффорд утверждает, что мы должны серьезно отнестись к «феномену совершенно определенного содержания, который является весьма распространенным, впечатляющим, реалистичным и в высшей степени необычным»; он подчеркивает, что об этом феномене сообщают многочисленные очевидцы. «Я думаю, что современная наука уже доказала, что, по крайней мере, некоторые, на первый взгляд фантастические, поверья, имеют в действительности эмпирическое обоснование», — писал он, отмечая, что большинство ученых, по-видимому, заинтересованы не в исследовании необычных явлений, а только в доказательстве их беспочвенности. Исследователи должны понимать разницу между «объяснениями очевидцев» — примером здесь может служить идея о том, что феномен «старой карги» связан с нападениями ведьм, — и «наблюдениями очевидцев», которые, как доказал Хаффорд, могут быть вполне точными, последовательными и ценными с точки зрения исследователей. Мнение Хаффорда заставило ученых по-новому взглянуть на проблему, Ведь периодически совершенно трезвые и здравомыслящие люди сообщают о явлениях, которые, по крайней мере, кажутся необычными, а те, кто пытается найти объяснение таким явлениям, подчас даже не могут понять, что же именно надо объяснить. Поэтому до сих пор ученые не знают причин многих явлений. Можно ли объяснить феномен «Старой карги», не используя «паранормальных» терминов? Исходя из результатов, полученных в ходе изучения процессов сна, проводимых в 60-х и 70-х годах, Хаффорд заключил, что «ощущения, описанные очевидцами, скорее всего, можно назвать параличом во сне, с некоторой долей гипнагогических галлюцинаций». Иными словами, наука способна объяснить, почему человек, проснувшись, не может пошевелиться, а вокруг него в это время творится, как ему кажется, что-то жуткое и непонятное. Однако ученые не могут найти объяснения тому факту, что все очевидцы, независимо от культурного окружения, описывают одни и те же странные звуки и силуэты. По мнению Хаффорда, эту тайну невозможно раскрыть «исходя из современного уровня человеческих знаний».

СТРАШНО, АЖ ЖУТЬ или БАБА-ЯГА СУЩЕСТВУЕТ

Михаил Зорин, Новосибирск

Вот хочу рассказать одну историю из разряда «Страшно аж жуть!» или «Баба-Яга существует!»

С детства меня иногда донимал ночной кошмар такого типа: я дома один, я просыпаюсь среди ночи, оттого, что кто-то ходит по квартире. Но не в той комнате, где я, а в другой, в кухне, в прихожей. И я знаю, что ходит какая-то страшная старуха, я ее не вижу, но очень четко представляю ее внешность. Длинные седые волосы, которые торчат из-под серого платка, длинный крючковатый нос, тонкие костлявые пальцы. Одета она в грязно-розовую кофту и полинявшую юбку, на ногах тапки. Этими тапками она громко шаркает по полу. И все время что-то бубнит, шепчет себе под нос. В общем, вылитая Баба-Яга в исполнении замечательного советского артиста Миллара. Я лежу и не могу пошевелиться, ощущение навалившейся тяжести, и страшно аж жуть.

ФЕНОМЕН «СТАРОЙ КАРГИ»

Давайте рассмотрим случай со «Старой каргой». Человек, проснувшись ночью, чувствует, что не может пошевелиться. Он лежит совершенно беспомощный и слышит чьи-то шаги, видит чей-то ужасный силуэт. Невидимая сила давит ему на грудь, и несчастный думает, что вот-вот умрет. Потом жертве все же удается стряхнуть с себя это жуткое оцепенение, и «нападение» заканчивается. Скорее всего, вы никогда не слышали о таких случаях — разве что сами испытали нечто подобное. И если с вами такое бывало, знайте, что в этом вы не одиноки. Предположительно, каждый шестой американец испытал это, но так как данное явление почти никогда не обсуждается, в нашей культуре у него нет даже названия. Однако в других культурах это явление фигурирует во многих преданиях и поверьях. Жители Ньюфаундленда, например, называют этот феномен «Старая карга» или «Старуха». Когда впервые эти выражения были применены для обозначения данного явления, слово «карга» также обозначало «ведьма». Считалось, что в таких случаях старухи-ведьмы «катаются» на несчастных людях, и часто в английском языке это явление называли также «катание» или «езда». Любопытно,

Такие видения меня преследовали с детства и до последнего времени. Для справки могу сказать, что в тех квартирах, в которых я видел эту старуху, до нашей семьи никто не жил, т.к. мы въезжали в новые квартиры, и в них никто не умирал. Кладбище на месте домов не было. Так что привидения умерших родственников исключаются. Я не раз рассказывал об этой старухе брату, но он никогда ничего подобного не видел. Я думал, я один такой сумасшедший. Но лишь до лета этого года. Этим летом мне попалась книжка «Энциклопедия тайн», американского автора Джерома Кларка. (Ростов-на-Дону, «Феникс», 1998г. — 480с. перевод Е.Ищенко)

Там на восьмой странице есть статья «Феномен старой карги». Она поразила меня до глубины души! Я не одинок в своем сумасшествии. Хочу спросить: не было ли у вас чего-то подобного?

Привожу эту статью.

что самое первое название данного явления сегодня хорошо известно всем — «кошмар». Кошмар для нас — это просто «плохой сон», но когда-то у этого слова было особое значение; так называли случаи, когда демоны-инкубы или суккубы ночью мучили людей — давили спящим на грудь, душили их.

Надежны ли «сообщения из первых рук»?

В весьма интересной книге «Ужас, который приходит ночью» (издательство University of Pennsylvania, 1982) Дэвид Дж. Хафффорд, фольклорист и психолог из Пенсильвании, на примере феномена «Старой карги» пытается решить очень важный вопрос: действительно ли те, кто сообщает о встречах с паранормальными и аномальными явлениями понимают, о чем они рассказывают? Принято считать, что такого рода случаи — результат ошибок восприятия, искажения воспоминаний, возникающий под влиянием культурного и социального окружения очевидца. Хафффорд использовал феномен «Старой карги», чтобы проверить эту гипотезу, которая, кроме тех случаев, когда очевидцы сознательно дают ложные показания, может быть названа теорией «во что верю, то и вижу». Согласно этой теории, люди верят, что

спешить. В дверь входит мужчина. Коротко острижен. Ощутимо кос.

— Вот и ваш сосед, — неизвестно к кому обращаясь, говорит медсестра. — Знакомьтесь.

— Виктор — мужчина, улыбаясь, протягивает мне руку.

Надо разговаривать. В больницах, тюрьмах и других тому подобных местах человеку просто необходимо общение. А в больничных и тюремных знакомствах решающую роль играет первое впечатление. Поэтому надо разговаривать. А разговаривать не хочется. Хочется лечь и уснуть или, в крайнем случае, сесть и ни о чем не думать. Но... надо разговаривать.

Рекогносцировка. Отделение находится на 9-м этаже. Замкнутый контур коридора, внутри которого находится медсестринский пост и служебные помещения, а по внешнюю сторону — палаты и холл с телевизором. По одной стене здания тянется общий для всех палат балкон. Вестибюль богат. Стены облицованы мрамором. Пол — гранит. Мягкая мебель.

БЛИЖЕ К ПОЛУНОЧИ ПЕРВОГО ДНЯ

— А сейчас чаек скипятим — Витька (именно так, к своему собственному удивлению, я скоро стал называть соседа по палате, несмотря на то, что он был ровно в два раза старше меня. Этому способствовали некоторые черты его характера, как то — несерьезность, бьющая через край общительность и фонтанирующая разговорчивость) достает кипятильник.

—А в чем? — я заинтересован.

—У меня все есть, я человек опытный—он вытаскивает из тумбочки литровую кружку.

Я спешно выкладываю из своей тумбочки все съедобное. Мы ставим между кроватями два стула, накрываем их газетой и валим на этот импровизированный стол все припасы. К этому времени вода закипает, и Витька сам заваривает чай.

—Чтобы правильно заварить чай, — говорит он, — необходимо перед заваркой положить в кипятилок кусочек сахара.

Затем, накрыв кружку бумагой, мы оставляем чай настаиваться, а сами выходим на балкон. Ночная прохлада сразу же забирается мне под рубашку. Я подхожу к перилам. Передо мной ночная Москва. До самого горизонта разбросаны огоньки. Но не так густо, как я мог бы себе представить. Или все спят, или мы находимся в каком-то административном районе. Где-то возле

горизонта вспыхивает неоновая реклама. Там же светятся рубиновые звезды Кремля. Ветер прохладой с реки. Мы разговариваем. Витька, невзирая на подписку о некуреции, курит, идя на коротычках. Я все больше замерзаю. Наконец мы входим в палату и садимся за трапезу.

Далее, как следствие полного отсутствия у автора литературного навыка, повествование теряет свою стройность и последовательность, превращаясь в отрывочные всплески памяти с весьма приблизительной хронологией.

ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ДНИ

Лаборатория внешнего дыхания. На шкафу — мини-баобаб. Поразила медсестра. Наверное, она работала в детсаде. Встает на цыпочки — «Вдохнули». Отмашка руками — «Выдохнули».

Реанимация и операционная здесь находятся на верхних этажах, поэтому, когда больные спрашивают друг друга — «Ну что, скоро тебе туда?», показывая пальцем в потолок, — это всегда имеет второй, юмористический смысл. В моде здесь анекдоты типа: Больной: «Сестра, может в реанимацию?», «Нет, доктор сказал в морг — значит в морг»

ЗОНДИРОВАНИЕ

Справка: зондирование (здесь) — исследование полостей сердца путем введения гибкого зонда через вену.

Утром приходит медсестра, будит меня и ставит укол. Я снова засыпаю. Когда за мной приехала каталка, мне уже было все равно, куда ехать, лишь бы оставили в покое. Хороший укол. Перелез на каталку. И поехали. Как ехали — плохо помню. Остановились перед входом. Там еще не закончили с предыдущим. Я ожидаю своей очереди. Полное безразличие к происходящему. Начинаю понемногу замерзать под простыней. Наконец меня завозят. Здесь я совсем озяб. На меня надевают какую-то зеленую рубашку. Я лежу на каталке возле стола, меня бьет крупная дрожь. Даже зубы стучат. Просто неудобно перед хирургами.

Взгромоздясь на стол. Хочется спать. Начинается работа. В тыльную сторону ладони мне втыкают иглолку с трубкой, обезболивают ногу и начинают в ней ковыряться. Что-то хрустит. Боли не чувствую. Ввели зонд. Чувствую тупую боль в правом боку. Предлагают глубоко подышать. Затем вводят контрастное вещество. Интересное ощущение — как будто от ног к голове поднимается волна крутого кипятка. Жар невозможный. Но зато

согрелся. С первого раза что-то не получается — мне вводят контрастное вещество еще раз. Потом еще. На третий раз мне показалось, что изо рта у меня вырвалось облачко пара. Потом заболела нога. Я терплю, но хирург каким-то образом узнает это и говорит, что сейчас обезболит. Боль почти проходит.

Потом у меня неделю держалась высокая температура. Я очень ослаб. Вечером пошел проводить Маму по коридору. Ноги слабнут и подламываются. Иду, держась за перила, вдоль стен. Голова кружится. В легких хрипы. Аппетит плохой. Все болит. Ну, вроде дней через семь я вышел из этого состояния.

СЛАВКА

Первый раз я увидел Славку возле медсестринского поста. Нескладный, белобрысый, тощий пацан — таким он мне показался с первого взгляда. Славка еще ни с кем не был знаком и потому был немного скован. Он стоял у стеночки и близоруко щурился на всех. Мама его уже ушла, он остался один среди взрослых, незнакомых, больных людей. Было от чего упасть духом человеку неполных одиннадцати лет. Правда, дети в отделении были, но все какая-то мелюзга, лет пяти. В тот день Славка был тих и скромненький, он еще осваивался, призывал к новой обстановке.

Больше о дне появления Славки на этаже я ничего вспомнить не могу. Я просто больше не обращал на него внимания. Ну, бегают тут какая-то мелкота. Мешается под ногами. Если бы кто-нибудь сказал мне, что этот пацан впоследствии станет мне другом, я был бы в большом недоумении. Тем более, что отношения наши складывались непросто. Мое тогдашнее состояние отрицательно сказывалось на моем характере. Я был раздражителен. А Славка очень скоро показал себя ребенком шумным, подвижным и непосредственным. Я же склонен был видеть в этом только дурость, невоспитанность и нахальство.

Приведу несколько эпизодов того периода, воспоминание о котором совершенно не вызывает у меня чувства гордости.

На следующий день (или позже) я пришел в столовую первым и сел есть в одиночестве. Через некоторое время пришел Славка. Проходя мимо, он станцевал цыганочку с прихлопами и притопами. Я строго, как только мог, посмотрел на него. Ему до лампочки.

Вечером, насмотревшись телевизора, я возвращался в палату. Проходя прихожую, я заметил под раковиной чай-то тапок. Не обратив на это особого внимания, я

взял книгу и завалился почитать. Углубляюсь в чтение, тут врывается разутый Славка и орет на меня:

— Где мой тапок?!
— Откуда я знаю!! — ору я в ответ.

Славка замолкает и уходит. До сих пор, когда я вспоминаю об этом, меня мучает совесть.

...Славка. Больше двух недель ушло у меня, чтобы понять его сложную натуру. Непрост и извилист был путь, по которому развивалась наша со Славкой дружба. Но я совершенно определенно могу указать пункт с которого этот путь стал необратим. Это был день когда Витьку увезли на операцию. Его погрузили на каталку и увезли, оставив дверь палаты открытой (дверь нужно держать открытой все время, пока длится операция — есть такая примета). Через некоторое время пришла санитарка, собрала Витькины вещи и унесла. Постель переменяли, и я понял, что ко мне кого-то подселит. Чуть позже я сидел с Мамой в вестибюле и увидел предполагаемого кандидата на подселение. Кандидат был с родителями и всем своим видом показывал, что не намерен ложиться в эту больницу.

МАКСИМ И СЛАВКА

В этот же день медсестра привела его за руку ко мне в палату.

— Вот, это Максим.

— А сколько ему лет? — я изображаю гостеприимство, хотя и не очень доволен ситуацией. Я рассчитывал, что из реанимации Витьку привезут обратно на прежнее место. Кроме того, я видел, что парень на грани истерики и слез.

— Пять, — медсестра усадила Максима на кровать, поставила пакет с его scarбом на тумбочку и стремительно вышла из палаты.

Мы помолчали.

Первым заговорил он. Дрожащим голосом, но с каким-то вызовом он сказал мне, что скоро, может быть, даже сегодня, приедет его папа и заберет его отсюда. Мне стало его жалко. Я вспомнил, как мне было плохо и тоскливо, когда примерно в его возрасте я лежал в больнице на первой операции. Маму ко мне не пускали, а больному ребенку без мамы вдвое труднее, чем здоровому. В этом отношении правила ВНЦХ отличались большой либеральностью. Некоторые родители просто жили в палатах своих детей.

Я неуклюже попытался успокоить Максима. Потом мы вместе выложили его вещи из пакета в тумбочку. Я взял его за руку и мы пошли погулять на балкон. Максим

Как-то спокойно я вышел из ада,
Ужас распада легко перенес.
Только теперь заболело как надо.
Так я и думал. Отходит наркос.

Выдержал, вынес — теперь настагает:
Крутит суставы, ломит костяк...
Можно кричать — говорят, помогает.
Господи, Господи, больно то как!
...
Господи Боже, не этой ли мукой
Будет по смерти томиться душа,
Вечной тревогой, последней разлукой,
Всей мировую печалью дыша,

Рядом уснуть невысказанно было. Прахом
Шли все усилия — водка, счет, нозепам:
Все побеждалось его неумолчным храпом,
Вечно служившим мишенью злым языкам.

Я начинал ворочаться. Я подспудно
Мнил разбудить его скрипом тугих пружин,
Сам понимая, насколько это паскудно —
Вторгнуться к другу и портить ему режим.

После вставал, глотал из графина воду,
Перемещался в кресло, надев халат, —
Он же, притихнув, приберегал на коду
Самую, что ни на есть из своих рулад.

...

Снегопад на закате, на розово-сером,
Как речная вода.
И строка упивается тихим размером,
Не спеша никуда.

Так бывает — посмотришь на небо, на ветки
За оконным стеклом,

* * *

Низко летя над речною излучкой,
Мокрой травой, полосой камыша?

Мелкие дрязги, постылая проза,
Быт — ненадежнейшая из защит, —
Все, что служило подобьем наркоса,
Дымкой пустой от нее отлетит.

Разом остатки надежды теряя,
Взмает она на вселенский сквозняк
И полетит над землей, повторяя:
“Господи, Господи, больно то как!”.

Храп

Сам я смущался, помнится: в чем тут дело?
Терпим же мы машины, грозу, прибой...
Дремлет душа, и кто-то храпит из тела —
Иноприродный, чужой, ночной, другой.

Этот постыдный страх и брезгливость эта
Нынче вернулись ко мне, описав петлю.
Возраст мой возраст! Примерно с прошлого лета,
Ежели верить любимой, я сам храплю.

...

Это душа хрипит из темницы плоти
Нищим гурманом, сосланным в общепит,
Голым ребенком, укрывшемся в грубом гроте...
Я понимаю всякого, кто храпит.

* * *

На закат, на фонарь — и почувствуешь этакий
Переход, перелом.

Словно в битве какой-то небесной, за тридевять
Облаков — наступил перепад, перевес,
Словно кто-то меня перестал ненавидеть
И простил наконец.

А вслед за нею – голова.
Айда меж трех знакомых сосен
Бродить без цели допоздна!

Сперва зима сменяет осень,
А там, глядишь, придет весна.

Заполнение пауз

Дано: осенний сад, набрякший,
И ненадежный дачный кров,
И дождь, собравшихся обрешкий
На краткость дня и сырость дров.

И всей России за окном

Отнюдь не холодно не жарко
От шевеленья наших губ.
В коротких паузах из парка
Несется шелест, шлеп и хлюп.

Пейзаж привычный, пастерначий –
Шуршанье, холод по ночам,
Хозяин, вынужденный дачей
К метафизическим речам.
...
Из печки выгребают сажу.
Хозяйке холодно. Притом
Дождю, траве, дровам, пейзажу

И разговора вялый парус
Вотще колыхнется давно.
Искусство заполнить пауз –
Что наша жизнь, как не оно?..

* * *

Понимаю своих врагов. Им и вправду со мною плохо.
Как отчетлива их шагов неизменная подоплека.

...
И в руках моих мастерок – что в ряду овощном фиалка.
Полк, в котором такой стрелок, неизбежно терпит фиаско...

...
Я и сам до всего допер. Понимаю сержанта Шмыгу,
Что смотрел на меня в упор и читал меня, будто книгу:

Пряжка тусклая на ремне, на штанах пузыри и пятна –
Все ему противно во мне! Боже, как это мне понятно!

Понимаю сержантский гнев, понимаю сверстников в школе –

Но взываю, осатанев: хоть меня бы кто понял, что ли!

...
Кошка, видя собственный хвост, полагает, что все хвостаты,
Но не так-то я, видимо, прост, как просты мои супостаты.

Оттого-то моей спине нет пощады со дня рожденья,
И не знать состраданья мне, и не выпросить мне снисхожденья,

Но и гордости не заткнуть. Выше голову! Гей, ромале!
Я не Шмыга какой-нибудь, чтобы все меня понимали.

оказался довольно трусливым и все время жался к стеночке, боясь подойти к перилам. Когда мы вернулись в палату там уже была медсестра. Она сделала мне выговор за то, что я простуживаю ребенка и забрала его на какую-то процедуру.

На следующее утро меня разбудил странный звук — как будто что-то скрипит или пищит. Я открыл глаза, чтобы разузнать в чем собственно дело, и увидел, что Максим стоит возле своей кровати, одетый, с уложенными в пакет вещами, и сквозь слезы смотрит на меня. Заметив, что я проснулся, он повторил мне вчерашнее, про папу. Я понял, что с новым соседом мне будет нелегко.

Не одобряю таких родителей. Наврут своему чаду с три короба, лишь бы отвязаться и отдувайся потом за них.

Я встал, оделся, умылся и приступил к нелегким и новым для себя обязанностям детской няньки. Сначала я подтвердил и развил вранье родителей Максима. Я сказал, что конечно, сегодня за ним приедут, но может быть не сейчас, а чуть попозже. Ближе к обеду. А пока надо умыться, а чтобы умыться, надо достать из пакета вещи... ну и так далее, в том же духе. В общем, на какое-то время назревавшую истерику удалось отложить. Но скучать в тот день мне не пришлось, так как родители его так и не приехали. В конце концов я отправил его знакомиться с местными детьми и, вздохнув с облегчением, улегся почитать. Как оказалось ненадолго. Вся эта орава пришла к нам в палату.

Пришел с ними и Славка... Отношение мое к нему на тот момент было таким, что я считал нужным оберегать Максима от его дурного влияния.

От нечего делать я имел неосторожность сделать Максиму из бумаги самолетик. Тут же я был завален заказами от всего малолетнего контингента отделения. Я делал самолетики и разрисовывал их звездами или крестами, по вкусу заказчика.

В палате становилось шумно. Летали самолеты, ездили автомобили, стреляли автоматы.

Родители Максима так и не появлялись, и мне приходилось присматривать за ним, а заодно и за всем этим детским садом, который постепенно переместился в нашу палату. Дети есть дети. Невзирая на самое тяжелое состояние (а другого многие из них и не знают) они все равно играют, бегают. Правда, часто останавливаются, приседают на корточки (им так легче) и заходятся кашлем, который называется сердечным.

...Около 12 ночи в Москве моют тротуары. Проходит поливальная машина, и в асфальте, как после дождя,

отражаются ночные фонари...

Ко мне в гости, в палату пришла местная молодежь. Мы начали играть в карты. Пришел Славка. Места ему опять не хватало, но он набрал карт и тоже пытался играть. Эти его попытки были пресечены. Потом ребята наигрались и ушли. А Славка остался и предложил сыграть партию. Мы сыграли. Потом молодежь выписали и Славка довольно часто стал подходить ко мне с предложением перекинуться в карты. Сначала он обращался ко мне на «вы» и называл дядя Вова, потом, постепенно это обращение трансформировалось в бесцеремонное Володька. Славка до того освоился, что начал довольно изобретательно обзывать, когда проигрывал (ишак со спидометром, утка с педалями, и т. п.).

В столовой мы теперь сидели рядом. Была у Славки любопытная черта: он любил чтобы мама его кормила с ложечки. И тут ему было наплевать на все мамеши и его сверстников и кого бы то ни было. Но однажды, когда мы уже были на короткой ноге, мы сидели за столом друг против друга и мама кормила его с ложечки. Я сощурился и укоризненно покачал головой. Славка немного застеснялся, взял ложку и стал есть сам, поглядывая на меня. Я не думаю, что для Славки существовали какие-то авторитеты, но частичное влияние на него я имел.

СЛАВКА И АБДУЛАЗИС

Благодаря вышеупомянутой репутации детской няньки, после выписки Максима ко мне подселели Абдулазиса. Абдулазису было двенадцать лет, и он был родом из Узбекистана. Вначале я не знал что говорить, о чем беседовать с моим новым соседом, поэтому большую часть времени старался проводить вне палаты. У телевизора или у Витьки — его поселили в одиночную палату. Потом медсестра попросила меня сводить Абдулазиса к стоматологу. Очень медленно, с передышками (Абдулазис тяжело дышал и часто приседал на корточки) мы сходили по застекленному переходу в другой корпус и по дороге вроде бы разговорились, причем больше говорил он.

Потом мы вернулись в палату, и к нам в гости пришел Славка. Как всегда, он хотел сыграть со мной в карты. Мы предложили Абдулазису быть третьим, но он наотрез отказался. Видимо, ему не позволяло воспитание. Славка подошел к лежащему на кровати Абдулазису и стал рассматривать, что стоит у него на тумбочке. На тумбочке, кроме всего прочего стояла бутылка фанты накрытая плетеным чехлом в форме пуделя. Славка

начал знакомиться, выяснять сколько Абдулазису лет, да как его зовут. Потом прискребся к его имени. В общем, у них сразу установились вполне определенные натянутые отношения.

Славка стал заходить чаще, я узнавал его все ближе и ближе, пока наконец, в один прекрасный день я не поймал себя на том, что уже радуюсь, когда он приходит к нам в палату, и скучаю, когда его долго нет. Славка оказался довольно незаурядной личностью. В разговорах с ним я совершенно не чувствовал разницы в возрасте и интеллекте. У него было отличное чувство юмора. А в редкие минуты, когда Славка становился серьезным, он был, пожалуй, более рассудителен, чем я.

Абдулазис был парнем довольно своеобразным, немного зажатым, но, в общем-то, ничего. В отношениях с ним я был предельно лоялен и корректен, но и Славка и Абдулазис чувствовали, как бы я это не скрывал, что во всех ситуациях акцент моих симпатий на Славкиной стороне. Поэтому Абдулазис никогда не позволял себе того, что мог позволить себе Славка. А Славка позволял себе забираться на мою кровать в тапках, подваливать мне под бок, перетягивая себе подушку, мог попить без спросу из моего стакана, мог с размаху сесть мне на живот, мог обзывать и, наконец он мог называть меня Володькой. В общем он делал все то, что сделал бы человек знающий, что ему все простят. Конечно, иногда я выходил из себя, но все равно, всерьез сердиться на Славку я уже не мог.

Мы со Славкой, еще в начальной стадии нашего знакомства — спорим. Не помню о чем, но помню, что на помидор. У меня был помидор свежий, у Славки соленый. Я выигрываю спор. Мы идем в палату к Славке. Помидор лежит прямо на тумбочке. Видно, что его брали руками. Я предлагаю скинуть его с балкона. Славка, довольный, соглашается. Мы идем в мою палату и выходим на балкон. Я роняю помидор в бездну. Он летит, красный и блестящий, и, коснувшись тверди, расплескивается лужицей, издав своеобразный звук. Славка в восторге.

ОПЕРАЦИЯ

Тридцатого сентября, за день до операции, ко мне пришли Мама и Аркадий. Мы долго сидели в холле и разговаривали. Я как мог успокаивал Маму. Потом мы расстались и Аркадий проводил меня на лифте на этаж...

Я расстался с Аркадием и вышел на этаже. Был уже вечер. И в этот вечер меня словно все забыли, я имею в виду медперсонал. Витька все разговаривал с Саней о

предстоящей выписке. Причем покрикивал на него на правах старшего. Попробовал бы он на меня так поорать. Не помню, пили мы чай в тот вечер или нет, но ушел я от него немного обиженный: Витька так углубился в собственное «я», что по-моему забыл что у меня операция. Зато, кто не забыл об этом, так это Славка. Он почти весь вечер был со мной. Валялся на моей кровати, прыгал у меня на животе и крутился на цепи, висящей над кроватью. Он закручивал цепь, потом цеплялся руками и ногами за треугольник, цепь начинала раскручиваться и Славка при этом вращался с бешеной скоростью. Затем он с той же бешеной скоростью врезался в решетку кровати или в тумбочку. Любой другой ребенок плакал бы около двух часов. Славке же было смешно. После очередного удара я зажмурился, хватал его за голову и начинал дуть на ушищенное место. А Славку просто душил смех.

Наутро мне вкачали укол и я снова заснул.

Приехала наталка. Я перелез на нее. Туда же поставили пакет с бутылками, лимоном (Мама купила бутылку «Боржома»), еще одну добавил Славка, лимон дал кажется Витька) и большим надутым шаром — такой багаж берут с собой в реанимацию. В общем, я был готов и снаряжен. Никакого страха — полное безразличие. Потом мы поехали. Я все время проваливался в сон. Когда подъехали к двери операционной я подумал: «А ведь это я, и меня везут на операцию.» К чести сказать, я не предпринял никаких попыток бежать. Меня укрыли другой, коричневой простыней. Потом завезли в операционную. Стол, на который я перелез, был теплый, видимо с подогревом, и я сразу понял — это он. Сверху светили круглые бестеневые лампы. Не дождавшись, пока я усну, в левой руке начали копать. Я подумал: «А вдруг я не усну — наркоз, допустим, не подействует, а меня начнут резать?» Поскольку шевелиться я не мог, да и был привязан к столу, говорить я тоже не мог — как во сне, хочешь сказать, а не можешь — я стал усиленно моргать, чтобы они видели, что я не уснул. Моргал, моргал... моргал, открываю в очередной раз глаза и вижу над собой уже прямоугольную лампу.

Вухе стучит и я сразу понимаю — лапал. Кто-то склонился надо мной: «Володя, ты меня слышишь?» Как в кино, ей-Богу. Я слабо киваю и проваливаюсь. Еще раз очнулся из-за того, что не мог вдохнуть. Я выпучил глаза и стал стучать рукой по кровати. Это был единственный орган, которым я мог двигать. Аппарат справа от меня хрипло вздохнул и в меня пошел воздух. Потом он долго не выходил, я опять стал колотить рукой. Дежурный

отвечающего на телефонные звонки. Статьи его на злобу дня, которые появляются в «Современнике» и в «Черной Москве» явно недостойны его таланта... А меня Дмитрий Быков остается Поэтом — с большой буквы, и только Поэтом, лучшим из ныне здравствующих.

Подаренная мне в тот день книжка Быкова — маленький черный томик — сейчас передо мной, из нее я и перепечатаю свои любимые стихотворения. Приходится делать большие сокращения, потому что почти все стихи очень длинные. Но если вам захочется почитать их полностью, наберите в любой поисковой системе в интернете «Дмитрий Быков», и вы найдете много его стихотворений. Тем, у кого нет выхода в интернет, я с

удовольствием сделаю и вышлю распечатки.

А пока — читайте, пойте, (ноты прилагаются) и пишите сами. Не стихи — так прозу, не прозу — так хоть отзыв на эту статью. Мне очень важно знать Ваше мнение, дорогие лощманты. В следующих номерах я бы хотел продолжить рассказ о поэтах, чьи имена вряд ли многие знают, но «встречи» с которыми оставили в моей жизни большой след — Борисе Поплавском, Алексее Кондратьеве, Семене Вяземском. Очень надеюсь, что их творчество не оставит Вас равнодушными. Жду Ваших писем.

• 117526 Москва, Ленинский пр. 144-5-61

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Из поэмы «Черная речка»

...Теперь, когда, скорее всего,
Господь уже не пошлет
Рыжеволосое существо,
Заглядывающее в рот

Мне, читающему стихи,
Которые напишу,
И отпускающее грехи,
Прежде, чем согрешу,
...
Когда уже ясно, что век живи,
В любую дудку свиستی —
Запас невестребованной любви
Будет во мне расти.
...
Теперь, когда я не жду щедрот,
И будь я стократ речист —

Если мне кто и заглянет в рот,
То разве только дантист;

Когда затея исправить свет,
Начавши с одной шестой,
И даже идея оставить след
Кажется мне пустой,

Когда я со сцены, цена уют,
Переместился в зал,
А все, чего мне здесь не дают,
Я бы и сам не взял,

Когда пририта былая прьть,
Как пыль, плетями дождя, —
Вопрос заключается в том, чтоб жить,
Из этого исхода.

Песенка ожидания

Сначала дом, потом дорога.
Обнимет друг и враг простит.
Как подведение итога,
Снежинка первая слетит.
Сперва пруды, а после взгляды
Начнут подергиваться льдом,
Но перепады, перепады
Давайте с вами переждем.

Сначала яблоки поспели
И выше стали небеса,

А после у реки запели
Неведомые голоса.
Сперва дыхание прохлады,
Потом скамейки под дождем,
Но листопады, листопады
Давайте с вами переждем.

...
Сначала — первая примета —
Светлее станет синева,
Потом закружится планета,

Под занавес Быков открыл дипломат и вывалил на стол несколько маленьких своих книжечек, которые тут же все присутствующие и расхватали. Я, опередив чью-то руку, успел схватить последнюю.

Вечер, бесспорно, удался, сам Быков чувствовал это и не спешил уходить. Медленно двигались мы к выходу по коридору с портретами великих писателей на стенах и не раз останавливались под каким-нибудь из них, горячо обсуждая современную поэзию и поэтов.

Наконец, основная масса слушателей рассосалась, и остались только человек 5-7 наиболее горячих поклонников поэта. Тогда Дмитрий сказал, цитируя Марка Твена, что «надо бы послать мальчика потрясти дерево». Скинулись, «мальчик» был послан и вскоре возвратился с бутылками водки и портвейна. Литинститут закрылся, но тут же кто-то из местных сказал, что знает дорогу, и повел всех куда-то за угол к задней стене здания.

В темноте было отперто полуподвальное помещение дворницкой, потом осторожно зажгли лампочку, и в ее мутном свете я разглядел пачкающиеся известные толстые трубы. На эти трубы, за неимением лучшего, мы и уселись. В углу были свалены лопаты и метлы, возможно, те же самые, которыми

когда-то орудовал сам Андрей Платонов. (Это не шутка. Автору «Котлована» в свое время действительно пришлось поработать дворником в литинституте. А.Ф.).

И здесь, в неформальной обстановке, когда мы по

очереди глотали водку из пластиковых стаканчиков и уж не помню, чем закусывали, продолжался спор о значении искусства, о роли поэзии в наше время... Когда спор наконец сам собою зашел в тупик, Быков поведаль вдруг ни с того ни с сего, как на заре перестройки он товарищи выпустил газету «Мать» (свет увидел лишь один выпуск, а сам Быков на некоторое время угодил за решетку). Среди прочего, в этой газете была литературно-политическая мистификация: ленинские пометки на полях книги Каутского. Пометки эти были строго выдержаны в характерной манере Ульянова-Ленина, чрезвычайно экспрессивные, но, к сожалению, абсолютно непечатные. «Архихерня!» — пожалуй, самое слабое выражение из тех, что произносил, грасируя, Дмитрий Быков, под дружное ржание, от которого начинала качаться лампочка под низким потолком.

То, что водка вкупе с сомнительной закуской не пойдет на пользу моему организму, я знал с самого начала. Но так же твердо я знал, что никогда не пожалую об этом вечере. Искусство требует жертв — повторял я про себя, выйдя на минутку на станции «Кропоткинская» и прислонив лоб к холодной мрамору одной из колонн...

С тех пор я ни разу не встречался с Быковым лично. Но иногда он нет-нет, да мелькнет по афишке — то на какой-то презентации с неизменным бокалом в руке, то в роли одного из ведущих программы «Времечко»,

Песенка ожидания

сл. Дмитрия Быкова
муз. Анатолия Федорова

Сначала дом, потом дорога - обнимет друг и враг простит.
-чала я-бло-ни по-спе-ли, и вы-ше ста-ли не-бе-са.
-чала - первая примета, светлее станет синева, по-

как подведение итога, снежинка пер-ва-я сле - тит. Сперва пры-
пос-ле у ре-ки за-пе-ли не-ве-до-мы-е го - ло - са. Сперва ды-
-том закружится гла-не-та, а вместе с не-ю го - ло - ва. Айда меж

-ды, а пос-ле взгляды нач - нут подергиваться льдом. Но по-ре-
-ха - - ни - е про-хла-ды, по - том скамейки под дождем. Но ли-сто-
-трех знакомых со-сен бро - дить без цели дождю! Сперва зи-

-па-ды, пе-ре-па-ды давайте с ва-ми пе - ре - ждем. 2. Сна-
-па-ды, ли-сто-па-ды давайте с ва-ми пе - ре - ждем. 3. Сна-
-ма сменяет о-сень, а там, глядишь, при-дет вес-на.

врач сказал: «Ну, не колоти — не колоти!», и я снова провалился.

Очнулся. Сижу. Вокруг врачи. Видимо, вытащили интубационную трубку. Бьют по спине, я кашляю и откуда-то струей хлещет кровь. Я провалился, умер. Последнее ощущение — меня хватают и куда-то несут... Затем снова свет. Врач. Я спрашиваю: «У меня что, шов разошелся?». «Да нет, ты что!» Провал.

На лице кислородная маска, во рту трубка толщиной с палец. Из маски идет холодный пар. Я прошу разрезать мне лимон и открыть бутылку. Выдавливаю в Боржом лимон и пью. Вкусно! Снова надеваю маску. Провал. Потом еще наливаю, и еще. По-моему, я выпил обе бутылки, или одну... Одну-то уж точно.

Очнулся, другая палата. Большая. Справа лежит мужик. Очень толстый и почему-то совершенно желтый. Дальше на кровати сидит какая-то женщина. Удвери дежурный пост. Меня сажают. К великой радости врачей, почки у меня срабатывают нормально.

Очнулся. Опять другая палата. Как это меня возят туда-сюда незаметно для меня самого? Повернул голову налево. Там лежит Наташка. Я отворачиваюсь. Потом думаю: «Э, так ведь это Наташка!» Снова поворачиваюсь и говорю: «Давай в шашки сыграем?». Она: «Прямо щас?»

ОПЯТЬ НА 9-М ЭТАЖЕ

Перелажу на свою кровать с каталки. Рядом Славка.
— Это какая палата?
— Десятая.

Славка все время меня будит: «Володька! Не спи!» Я частично в сознании. Приходит медсестра и обрабатывает шов.

В первые дни после операции мне снились яркие цветные сны. И даже днем, закрыв глаза, я мог вызвать по желанию любой образ. Причем изображение было удивительно четким и подробным. Часто мне виделась стена, выложенная из золотых кирпичей. Вернее, это был кусок стены, как бы висающий в воздухе. При желании я мог поворачивать его вокруг горизонтальной или вертикальной оси. И стена медленно разворачивалась, сверкая отполированными гранями кирпичей. Захватывающее зрелище. Я часто жалел, что окружающие этого не видят. Еще запомнился образ какого-то старого города. Этот образ был в движении. Я летел по кривым, усыпанным желтыми листьями, улочкам Города на очень небольшой высоте. Примерно сантиметров 15-20 от земли. Все это происходило на хорошей скорости,

изображение было цветным и объемным.

Я теперь лежал в одиночной палате. Но, так как я был в тяжелом состоянии, со мной в палате постоянно находилась тетя Зина, Мамина сестра. Первую неделю — полторы меня мучила жажда. Это происходило из-за потери крови, я это понимал, но от этого мне было не легче. В день мне разрешали выпить 400 грамм воды. Больше пить нельзя. Полтора стакана. Я выпивал это за 5 минут, и все остальное время мне снились горные реки, тальве ручьи, водопады, фонтаны и маленькие лесные роднички. В рту было ощущение, что ты нажевался какой-то тухлятины и закусил ее туалетной бумагой. Каждые полчаса я вставал, чистил зубы, полоскал горло и потом долго сидел у раковины набирая воду в рот и с сожалением выпуская ее обратно. Тем временем тетя Зина выжимала через марлю гранатовый сок. Получалась кислая мутная жижка, пахнущая кухонной тряпкой, но тем не менее я с жадностью ее выпивал. Зубы от гранат у меня стали совсем черные.

Аркадий приходил почти каждый вечер. Он где-то раздобыл и принес литровку банку черной икры. Но я не мог есть даже ее. Еще потом была красная икра.

Дня через три — четыре меня повезли на рентген. Ветвицкий привез кресло-каталку, я погрузился и мы поехали. Спустились на рентгеновский этаж. Там меня завели в кабину и оставили стоять. Включили жесткое рентгеновское излучение. Краем глаза я увидел экран, на который передавалось изображение моих внутренних органов. Я увидел темное колюче в области сердца. Колючко двигалась в такт ударам сердца. Тогда я понял, что мне действительно вшили искусственный клапан.

Славка часто приходил ко мне со всей оравой — Абдулазис, Санька Зайцев, и т.д. Их очень трудно было выгнать, чтобы поставить например укол, и мои нервы иногда не выдерживали. Я начинал орать.

ДЕЛО ИДЕТ НА ПОПРАВКУ

Я шучу: нагреваю в стакане воду нипятильником и опускаю туда термометр. Хочу нагреть до 40 градусов и напугать Маму. В термометре что-то звонко щелкает. Я выхватываю его из стакана и снимаю показания. Ртуть, конечно же, зашкалила, и термометр лопнул. Что делать? Я рассказываю все Маме. Она пытается стряхнуть распоясавшуюся ртуть обратно в резервуар. После двух энергичных взмахов лопнувший резервуар (это именно он щелкнул) разваливается, ртуть разливается по всей палате. Мы ее собираем и вытряхиваем в унитаз. Потом Мама тщательно, на несколько рядов,

моет пол и проветривает палату. Вот такие шутки.

Или — я, согбенный и немощный дряхло поднимаюсь с кровати, беру Славку за руку и направляюсь в столовую кушать. Возле двери я внезапно распрямляюсь и бодрым шагом выхожу из палаты. Мама с округлившимися глазами выскакивает следом. Я смеюсь: шутка. И не отрываясь от пола шаркаю дальше.

В палату заходит уборщица. Она моет пол и беседует с Мамой. Речь идет о нынешних продуктах питания, начиненных всеческой бытовой химией. Она уверяет Маму, что лесные дикие яблочки гораздо лучше этих красных, крупных, спелых садовых яблок. Мама соглашается. Уборщица уходит. Меня душит смех. Мама не понимает причину моего веселья. Я с трудом выдыхаю: «Яблочки... дикие...» Смеяться больно, от этого становится еще смешнее, я падаю на бок и задыхаюсь.

...Приходит Ветвицкий. Садится ко мне на кровать, и мы долго беседуем о клапанах и турбулентных потоках в устье аорты.

...Пункция. Еще с детства, со времен первой моей операции у меня сохранились об этой процедуре крайне неприятные воспоминания. Теперь же, ко всему прочему, я понимал, в чем ее суть (через спину, длинной иглой прокалывают плевральную полость и откачивают из нее кровь). Поэтому, когда меня повели в процедурный кабинет, я весь

трепетал. Меня усадили верхом на стул. Ветвицкий и Иванов (второй мой хирург) забренчали инструментами у меня за спиной. От испуга язык мой развязался: «Можно один вопрос?» Иванов, ухмыляясь: «Можно.» Я: «Скажите, а это не очень больно?» Хирурги рассмеялись. Дальше мне помогло мое отчасти ступорное состояние и остаточные явления общего наркоза.

...Славка засиживался у меня допоздна. Мы рассказывали друг другу о своей жизни. Травили анекдоты. Славка больше рассказывал про Червень и каждый раз приглашал меня туда приехать. Это город в Белоруссии, где живет его бабушка и где он проводит каждое лето. Мы сидели, болтали, смеялись, пили чай, Славка даже пел. Наконец младшему медперсоналу,

располагавшемуся в комнате рядом надоедали громовые раскаты Славкиного хохота. Приходил строгий медбрат и прогонял Славку спать.

...Славке назначили операцию. Утром я зашел к нему в палату сказать пару напутственных слов, но Славка уже крепко спал под воздействием укола. Я погладил его по голове. Славка попытался открыть глаза но не смог. В последний момент операцию отменили — то ли не оказалось крови с редкой Славкиной группой, то ли срочно нужно было делать операцию кому-то другому. Славка дрыхнул под наркотиками почти до обеда. Потом он проснулся, оделся и долго еще ходил недовольный и мрачный как туча. Повеселел он только к вечеру.

...У всех послеоперационных больных из живота торчат два провода. Они подключены прямо к сердечной мышце и это сделано для того, чтобы в случае чего их можно было подключить к источнику высокого напряжения. Жить с проводами очень неудобно. Они постоянно цепляются за майку, создавая при этом весьма неприятные ощущения в месте их выхода наружу. А при раздевании для медсестры, конкретно, при снятии майки через голову есть риск их вообще выдернуть. Но ко всему можно привыкнуть. Привык и я, и когда подоспело время эти провода удалять, я пошел на это дело без всякой охоты. Впрочем, эту неохоту можно было объяснить и дру-

гим, менее выгодным для меня образом. Дело в том, что удаления проводов я БОЯЛСЯ. Даже больше, чем пункции. Я ходил и выпрашивал у всех, кому провода уже вытаскивали обо всех подробностях этой процедуры. И с каждым рассказом боялся все сильнее. И вот настал тот день. Я взгромоздился на стол в процедурном кабинете. Было открыто окно. В кабинете было довольно свежо и меня сразу прохватила крупная дрожь. Дрожь усилывалась по мере того, как я углублялся в смысл и сущность этой процедуры. Подошла медсестра с бодрим видом. Сняла повязку с проводов. Я мысленно вскопил и убежал. Затем она начала шевелить провода, причиняя мне неприятные ощущения, о которых сказано выше. Я стал собирать остатки воли в кулак. Медсестра сказала:

Москва, Красная площадь, 1987г.

Виноград растет на крутой горе, непохожей на Арарат.

Над приморским городом в сентябре виноград растет, виноград.

Кисло-сладкий вкус холодит язык – земляники и меда смесь.

Под горой слепит золотая зыбь, и в глазах – золотая резь.

Виноград растет на горе крутой. Он опутывает стволы,

Заплетаюсь усиком-заплатой в буйный синтаксис мушмулы,

Оплетая колкую речь куста, он клубится, витиеват.

На разломе глинистого пласта виноград растет, виноград...

Стихи Быкова рассказывали о самых обычных, знакомых всем вещах и текли так свободно и естественно, что казалось – ему не приходится прикладывать никаких

усилий для их сочинения, просто нужные слова сами находят друг друга и становятся рядом, а рифмы выскакивают в конце строк, словно чертик из табакерки.

Вечно для счастья детали одной, крохотулечки не доставало!

Вот и сегодня опять за стеной вместо Вагнера – Леонковалло...

Как от угрюмого "Жизнь прожита" удержала смешная открытка –

Счастью сопутствует неполнота, охраняя его от избытка.

Ах, если б веточку эту – левой, это облако – вверх подтянули,

Ах, если б в паузе пел соловей (соловьев не бывает в июле),

Что бы острее, жадней ликовать, смаковать, как последнюю кружку...

Ах, если б к нашему счастью кровать!.. Ничего, потерпи раскладушку..."

"Когда бороться с собой устал покинутый Гумилев,

Поехал в Африку он и стал охотиться там на львов.

За гордость женщины, чей наблук топтал берега Невы,

За холод встреч и позор разлук расплачиваются львы.

Воображаю: саванна, зной, песок скрипит на зубах...

Поэт, оставленный женой, прицеливается. Бабах.

Резкий толчок, мгновенная боль... Пули не пожалев,

Он ищет крайнего. Эту роль играет случайный лев...

Восторженно я слушал, поражаясь пронзительным немножко грустными стихами, и вдруг мне стало страшновато, хохоча над уморительными и все же но, и даже холодок прошел по спине от таких строк:

Вижу себя старином – ночью, при свете звезды,

Шлепающим босиком в кухню за кружкой воды

В тесной квартире пустой, где доживаю один,

Где утвердился настой запаха грязных седин,

Пыли, ненужных вещей, медикаментов, тоски

И неуклюжих мощей, бьющихся о носяки.

Здесь, в темноте, в пустоте, в ужасе, на сквозняке,

На предпоследней черте, с плещущей кружкой в руке –

Вздрыгну: да это ведь я – я, не другой, не иной –

Веянье небытия чую согбенной спиной...

НЕГРОМКИЕ ИМЕНА

ЗНАКОМСТВО С ПОЭТАМИ

Антон Федоров, Москва

Когда мне было лет 18, я мечтал стать писателем. Тогда мне почему-то казалось, что для этого достаточно поступить в литинститут. Несколько лет подряд, даже когда я уже учился на первых курсах технического ВУЗа, в один из весенних дней я появлялся на Тверской с новосочиненным рассказом – как сейчас с содроганием вспоминаю, все эти опысы были до ужаса жалки и слабы, – а летом мне звонили из приемной комиссии литературного института и вежливо сообщали, что моя работа не прошла по конкурсу.

Короче говоря, мечты мои так и остались мечтами, и мне пришлось, смирившись с несправедливостью судьбы, заканчивать МИРЭА и устраиваться на работу. Писать с тех пор я стал гораздо меньше, и уж совсем бросил бы, наверное, не появившись у меня такой благодарной аудитории, как клуб “Лоцман”. Однако, я невольно отвлекся.

К литинституту, не смотря ни на что, я продолжал питать слабость и даже какую-то привязанность, так что когда я где-то прочел объявление, что в Московском

литературном институте им. Горького проводятся дополнительные курсы и чтения, на которые приглашаются все желающие, я поспешил вновь туда явиться. На одно из занятий специально был приглашен поэт Дмитрий Быков, который читал свои стихи. С этого и начинается моя сегодняшняя история. (А все вышесказанное было лишь сильно затянувшейся преамбулой. Курсы, кстати, оказались довольно бесплодными, и я их вскоре бросил).

Итак, Дмитрий Быков оказался человеком лет 30-ти, склонным к полноте, с роскошной вьющейся шевелюрой и умным, запоминающимся взглядом. Роль заезжей звезды была ему привычна, он держался раскованно, много шутил и сам смеялся вместе со всеми; сидел он вполоборота ко мне, лениво развалившись в кресле, и чем-то напоминал Карлсона, уютно устроившегося в комнате Малыша и рассказывающего тут же на ходу сочиненные байки. Да уж, язык у него подвешен как следует, отметил я про себя, от скуки он не умрет, да и окружающим не даст. И тут же услышал, словно бы в подтверждение своих мыслей:

*С какой-то виноватостью усталой
Я все свои грехи переберу.
Я не умру от скромности, пожалуй,
От сдержанности – тоже не умру.
Я также не замалчиваю факта,
Что трезвым не останусь на пиру.
Еще я не умру от чувства такта.
От вежливости – точно не умру.
От этой горькой истины не прячься,
Я изучаю сам себя на свет.
Я не умру от стольких дивных качеств,
Что, видимо, мне оправданья нет.
Да оправдаться я и не стараюсь:
Я умирать пока не собираюсь.
(«Жизнелюбивый сонет»)*

Дмитрий Быков читал наизусть длинные стихотворения и громадные поэмы вдохновенно, не спеша, но четко и без запинок, так что я заслушался. Между стихами он рассказывал об истории их написания, или, к слову пришедшие случаи из жизни. Он умел держать

внимание слушателей – полтора или два часа я просидел как завороченный, наслаждаясь музыкой стиха, едва успевая следить за тонким переплетением, ажурным узором из слов, образов, сравнений...

«Подыши глубоко.» Я подумал: «Вот, сейчас я подышу глубоко, потом она скажет чтобы я затаил дыхание и рванет из меня провода.» Я начал глубоко дышать и тут почувствовал, как слегка вздрогнуло сердце и медсестра сказала: «Все!» Я подумал: «А второй провод?» Но, к моей радости, оказалось, что медсестра одним рывком удалила сразу оба провода. Она даже показала их мне, чтобы я удостоверился. Тут напряжение в моей нервной системе упало и я опять стал благодушен и весел, насколько позволяло мне тогдашнее состояние здоровья и сознание того, что мне еще предстоит снятие швов.

...Я иду по переходу, соединяющему новый и старый корпуса ВНЦХ. Переход — это застекленный коридор-мост на уровне 2-го этажа. На улице холодно, идет крупный дождь. Люди в зонтах. В переходе тепло, сухо. Еле слышен приглушенный стеклом шум дождя. Настроение тоже какое-то приглушенное. Пол в коридоре идет под уклон.

Громадное дерево во дворе Центра, пышно-зеленое в пору, когда я ложился «на обследование», теперь было серым, скучным и лишь кое-где грязно-желтым.

Потом пошел снег. Из окна моей палаты видны были перила балкона, покрытые пухлым слоем свежего снега. Снег навевал невеселые мысли о скорой выписке, разлуке со Славкой и со всем этим окружением.

На днях выписали Витьку. На прощание он зашел ко мне в палату. Мы зачем-то обменялись адресами. Пожали друг другу руки. Он вышел, и я больше его никогда не видел.

...День снятия швов. Все утро хожу на взводе. В животе неприятная пустота. Назначили время после обеда. Очень смутно: медсестра в повязке. Что-то режут на животе. Щелкают кусачки. Один есть! Я с трудом разлеплю глаза. Спрашиваю: «Еще много?» Меня почти презирают. Наконец я без швов. Нестерпимо жжет и чешется. Чем-то мажут. Жжение стихает. Все.

ДАЛЕЕ СОВСЕМ ОТРЫВОЧНО...

...Мы с мамой сидим в вестибюле. Там тепло. Мы сидим в креслах. Возле стоят какие-то ящики. На стенку ящика выбегает таракан. Он останавливается и водит усами. У меня хорошее настроение. Я отламываю кусочек булки и протягиваю его таракану. Насекомое чует хлеб, привстает на цыпочки, трогает угощение усами. Откусывает. Мы с Мамой решаем его назвать Кешей. Прилепляем ему крошки на стенку ящика. Кеша ест.

...Мы сидим в вестибюле. Я, мама и Аркаша. Выходит

Славик. Он по широкой дуге подруливает к нам и садится мне на ногу. Я знакомлю Славку с Аркадием. Славка спрашивает — правда ли, что Аркаша служил в десанте. Удостоверившись, просит показать ему какой-нибудь прием. Мама говорит, что Аркаша и Славка одной породы. Они оба светловолосые и чем-то похожи друг на друга. Мы смотрим слайды, которые мы с Аркадием снимали в нашем с ним походе на скалы.

...Сидим в столовой. Весь народ уже поел. Я ем, а Славка сидит со мной за компанию и пьет томатный сок. Он набирает сок в рот и, громко чавкая, «дегустирует» его. Затем, внезапно решившись, залпом выпивает весь стакан. От быстрого питья у него на глазах выступают слезы. Славка явно доволен жизнью.

...Мы со Славкой вдвоем едем в лифте. Я говорю Славке: «Хочешь мы сейчас застрянем?» Конечно, он хочет. Вдоль стен кабины укреплены перила. Я распираюсь на них в одном углу. Славка в другом. Давления на пол нет. Лифт застревает. Славка сначала хохочет, потом пугается. Я звоню дежурному. Через некоторое время мы трогаемся.

...Мы стоим на лестнице после неудачных попыток играть в волейбол моим мячом (он не круглый и не пружинит, как Настин, который мы проткнули). Смотрим в окно. Там видна Пироговская улица, крыши, автобусно-троллейбусная остановка и странная надпись «Научук». Ближе к горизонту видна решетчатая Шуховская башня. На улице ветрено. За окном планирует неизвестно как залетевший на высоту 9-го этажа, желтый лист. Мы стоим на подоконнике, ненадежно отделенные от бездны оконным стеклом, и боимся высоты.

...Одно из самых светлых воспоминаний-ощущений того времени: я и Славка стоим на втором этаже у большого, во всю стену окна. С улицы ярко светит солнце. Мы стоим, щуримся на солнце, нам тепло, хорошо... Разговариваем. Я вспоминаю, что когда ложился в ВНЦХ, еще было лето, все деревья были еще зеленые, а теперь... «Стоят лысье» — добавляет Славка. У меня отличное настроение. Мне все нравится. И солнце, и окно, что оно такое большое, и то, что за окном, и то, что рядом стоит Славка... Видимо в тот день организм мой окончательно решил пойти на поправку.

СЛАВКИНА ОПЕРАЦИЯ И МОЯ ВЫПИСКА

Наконец был назначен день Славкиной операции. Весь вечер с ним была его мама, нам почти не удалось поговорить. Только поздно вечером, когда его мама ушла, Славик подошел ко мне, и я неуклюже

попытался его подбодрить. Славка сказал, что операции совсем не боится. Я подтвердил, что бояться действительно нечего. Мы договорились, что я его дождусь из реанимации (меня на днях должны были уже выпустить). И Славка пошел спать.

Утром я проспал момент, когда его повезли в операционную.

Почему-то я был абсолютно уверен, что у Славки все будет хорошо. Поэтому я особо за него и не волновался. Потом сказали, что Славка уже в реанимации и операция прошла успешно.

На следующий день меня выписывали. А Славку все не спускали из реанимации. Мне уже начали оформлять документы на выписку. Я забеспокоился. Наша пресловутая бюрократия и бумажная волокита была сейчас как нельзя кстати. Наконец из грузового лифта вывели каталку со Славкой. Я встретил его в коридоре. Славка смотрел довольно бодро. Его завезли в палату, я помог ему перебраться на кровать. Славка выглядел неплохо, конечно, он был немного бледный, но ни на что не жаловался и вообще держался очень хорошо. Я бы даже сказал — мужественно. Не распускал нюни (когда из реанимации привезли Витьку, он накрылся с головой одеялом и плакал навзрыд от жалости к себе и от радости, что остался жив. Мне потом даже стало неудобно, и я вышел из палаты.) Пришла моя Мама. Она обрадовалась, увидев Славку. У Славки, как и у всех послеоперационных больных, сиплый голос — голосовые связки травмированы интубационной трубкой. Я советую ему пить гоголь-моголь. Приношу ему свой стакан с уже готовым гоголем-моголем. Славка с удовольствием пьет. Чуть ли не в последний момент вспоминаю, что до сих пор не обменялся со Славкой адресами. Славка

Москва, Ленинский проспект. 1987г.
Я и Славка.

диктует, я записываю. Славка приглашает меня к себе в гости в Минск. Он уверен, что мы обязательно еще увидимся и погуляем по Москве. Я в этом совершенно не уверен, наоборот, я думаю, что вижу Славку в последний раз, но чтобы его не расстраивать, соглашаюсь с ним. Возле Славкиной кровати собрались, наверное,

все дети отделения. Нам не дают как следует поговорить напоследок. Потом меня вызывают к старшей сестре. Я думаю, что уже пора. Мы со Славкой ждем друг друга руки. Я беру с него слово, что он будет писать. Прощаемся с его мамой. Документы уже оформлены. Все, внизу уже ждет машина, которая должна везти меня и еще нескольких больных в Переделкино.

Всю дорогу до санатория я думал о том, что вот и закончилась одна из светлых глав в моей жизни и это уже безвозвратно... Но, к счастью Славка оказался прав, и мы с ним еще не раз увиделись.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Раз в год, в конце августа, я и Славка со своей мамой приезжали в ВНЦХ на проверку. Мы отпускали его маму бегать по магазинам, а сами отправлялись гулять по Москве. По Арбату, по паркам. Фотографировались, стреляли в тире. В общем, неплохо убивали время. Запомнился один случай. С фонтаном. Он очень характерен для Славки и поэтому я его расскажу об этом подробнее.

В первый или второй наш приезд в Москву мы — я, Славка и его мама — гуляли в парке Горького. Подошли к большому фонтану-бассейну. Бортик у фонтана сделан пологим и через него постоянно стекает вода в специальную щель. Славка со словами «Володька, сфотографируй меня на фонтане!» полез на бортик. В последний момент Славкина мама успела ухватить его за бока и снять на землю. Славка надулся. Через год, в следующий наш приезд, мы со Славкой гуляли там уже без его мамы. Ну и, конечно же, не миновали фонтан, где Славка и реализовал наконец свои прошлогодние планы. Пользуясь тем, что у меня доброе сердце и были заняты руки, он все таки вскочил на бортик фонтана. Не удержался на сыром граните, поскользнулся и встал на четвереньки в воде. Я подскочил и стал его вытаскивать. Славка поднялся, снова поскользнулся и полетел теперь уже в щель, в которую стекает вода. Но тут я успел его подхватить. Мы под взглядами гуляющих в парке

ПРИГЛАШЕНИЕ

Виктор Клюев, Москва

С этого момента я начинаю регулярно пытаться записывать свои мысли. Размышляя над различными проблемами и курьезами своей жизни я пришел к выводу, что колоссальное количество фактов из моей биографии я потерял в глубинах своей памяти. Рукописи не горят, сказал один персонаж, а я и не собираюсь жечь эти записи. Надеюсь, что когда я буду их читать, то мне станет легче осознавать, что же я на самом деле хочу, и что из себя представляю. Поэтому я решил записывать все, что придет мне в голову, а не ждать когда на меня снизойдет вдохновение и слова стройной прозой лягут строка к строке. Я буду писать о том, что думаю, о том, что меня сейчас волнует и тревожит. Без предварительного плана и мимолетной редакции, без контроля над грамматикой и синтаксисом, без принудительного сидения за рабочим столом перед чистым листом бумаги. Просто писать, писать и писать обо всем.

Музыка. Моя музыка. Вернее музыка, звучащая во мне. Она какая-то странная. Слова слагаются в стихи, стихи в песни. Песни поются и живут отдельной от меня жизнью. Я даже не могу вспомнить некоторые свои вещи. А ведь все, что я писал имело для меня необыкновенный смысл, имело в себе высокий эмоциональный всплеск. А я все равно забываю их. Наверное что-то с памятью. Сегодня я танцевал, хлопал и пел одновременно. Для этого я хотел использовать свои песни. Вдруг я осознал, что не могу вспомнить ни одного произведения до конца за исключением совсем свежих. Я считаю себя музыкантом, гитаристом и певцом, а на самом деле не могу сыграть и спеть ни одной чужой песни так, как они записаны в нотах. Я не умею пользоваться нотами. Я их знаю, но все равно пренебрегаю их основным смыслом. Я плохо чувствую ритм. Раньше я думал, что у меня нет проблем с ритмом и их не было на том уровне исполнения. Теперь, обучая ребят координации я понял, что все мои представления о ритме, музыке и исполнении оказались детскими сказками. Они похожи на правду, но не правда.

Надо приводить мысли в порядок. Группа. Как я ее вижу. Образ коллектива рисуется пока еще плохо, но концепции уже определены, и я уповаю на то, что они вытянут на себе и меня из болота инертности. Каждый раз, когда вижу людей, которые делают музыку талантливо и раскованно, я уличаю себя в том, что на самом деле я практически ничего не умею. Ни петь, ни танцевать, ни сочинять стихи, не говоря уже о

прозе. У меня появляется желание стать лучше и как можно быстрее, но моего терпения на долго не хватает и потихоньку я остываю. Но на самом деле музыка меня не отпускает. Это наверное какое-то психическое расстройство, потому, что даже в самые тяжелые минуты отчаяния мне не приходило в голову бросить ее. Я буду делать то, что делаю и учиться тому, что не умею делать. Я играю в эту игру, и могу не выиграть, но никто, даже я сам, не сможет сказать, что я ничего не пытался сделать и сдался при первых трудностях. Неудачи дают опыт, а опыт ведет к работе. Мне кажется я стал видеть правильные вещи. Они не зависят от того, что я о них думаю. Они просто действуют на меня, если я их выполняю. Занятия в спортзале привели меня к йоге и это оказалось откровением, потому, что эта система несомненно положительно повлияла на мой вокал. Кастанеда в своих книгах открыл для меня способ учиться. Учиться новому, тому, чего не знаешь и не можешь знать до поры, до времени. Я словно раскрылся, и знания пошли ко мне, как дурьеза на вечеринку. Наблюдая за артистами на сцене, я увидел, что ритм рождается из единого движения и дальше, размышляя над этим, я ввел ряд упражнений, основанных на объединяющем движении. Занимаясь этими упражнениями с ребятами, я пришел к выводу, что коллектив — это не ментальная договоренность, а единая система частей, пульсирующих в едином движении. Я понял, что тело — тоже коллектив, состоящий из рук, ног, головы, туловища, дыхания, мыслей, эмоций. И если я сумею весь этот сброд объединить движением, то гармония проснется и никогда уже меня не оставит. Это трудно. Это оказалось гораздо труднее, чем можно было себе представить. Ну вот например: нужно шагать на месте и одновременно с тем, когда правая нога топает, хлопать в ладоши, а еще и выдыхать, а еще и двигать по кругу, и вращаться вокруг своей оси, и выдыхая, петь песню, где ударные слоги совпадают с хлопком. Легко? Нет. Трудно? Нет. Мальчишковая и девчачья группа на телевидении делает это легко. Гораздо трудней преодолеть в себе и ребятах внутреннее презрение к этому, как к элементу «попсы». Тяга быть исключительными, индивидуальными и независимыми делает нас серыми и обычными, лишая нас возможности пользоваться давно наработанными приемами повышения личного уровня. Оригинальный человек почему-то обязан все изобрести сам.

• 105037, Москва,
Первомайский р-н, Измайловская пл., 3, кв.21

Резанов отродясь не был, а был он действительным статским советником, камергером двора и кавалером различных орденов.

2. Портрет, тем более официальный, отнюдь не зеркало души. Масса приятно улыбающихся на холсте джентльменов в жизни творила самые разнообразные пакости. Но Резанов, и верно, отнюдь не был «сухарем» (впрочем, и Курганов-Крапивин его таковым вовсе и не показывали). Человек он был светский, обаятельный, остроумный и впечатлительный.

3. Ну и насчет беспокойства о «добром имени» Резанова. Уж на что, а на это-то никто никогда не посягал. Даже наоборот, бывало оберегали в ущерб другим. Например, известный моряк-писатель Н.С.Бадин в романе «Ключи от заколдованного замка» весьма живо изобразил противостояние радеющего о государственном благе благородного патриота Резанова и кичливого карьериста Крузенштерна. Крузенштерн тут и грязные сплетни собирает, чтобы неприятеля своего опорочить, и защиту ищет за юбками «графини Ливен, урожденной баронессы Шиллинг фон Конштадт, статс-дамы вдовствующей императрицы», но Резанов его великодушно прощает ради пользы отечества. Тем более что и Крузенштерн не столь уж конченный человек и мореход знающий... В общем, этакая борьба хорошего с еще лучшим. Все четко, ясно — один прав, другой заблуждается. А у Курганова-то сплошной туман, виноватых нет, заклеить некого, но и правых не видать, а тут еще самоубийца этот. Все склоны да ругань, а подвиги где? Вот и не напечатали, забоялись о светлом облике да добром имени.

А то, что 15-летняя девочка, узнав о кончине своего 40-летнего жениха, ушла в монастырь, характеризует не столько покойного, сколько ее саму, ее чувства, ее взгляд на мир. Вот, кстати, как описывал свой роман сам Николай Петрович: «Ежедневно куртизируя Гишпанскую красавицу, приметил я предприимчивый характер ее, честолюбие неограниченное, которое при пятнадцатилетнем ее возрасте уже только одной ей из всего семейства делало отчизну ее неприятною. Всегда в шутках отзывалась она о ней: „прекрасная земля, теплый климат, хлеба и скота много, и больше ничего“... Вот так. Глушь. Тоска, вдруг — блестящий придворный, кавалер, господин, приятный во всех отношениях. Шесть недель — и помолвка, готовность даже переменить

вероисповедание, сверкающее будущее, большие надежды. И все обрывается. И снова вокруг «теплый климат, хлеба и скота много, и больше ничего». Совсем ничего. Настоящая жизнь мелькнула, поманила и изгнула. Осталась одна дорога — в монастырь. Определенно, у Николая Петровича был какой-то дар невольно ломать людям жизни на своем пути. Он не хотел, конечно, ни самоубийства Головачева, ни монашества Кончиты, ни ссоры с Крузенштерном. Он просто действовал так, как умел...

И еще о том же романе. Резанов пишет Румянцеву: «ежели судьбе угодно будет окончание романа моего, к которому отнюдь не по пылкой страсти, в моих летах уже места не имеющей, но совсем из других побуждений и, может быть, столько же и по остаткам тех еще во мне чувств, которые некогда делали счастье жизни моей [его жена, Анна Шелихова, умерла в октябре 1802 г. — А.Зорин]... в таком случае могу я новую показать услугу отечеству личным обозрением гавани Вера-Круца, Мексики и таким проездом через всю внутренность Америки, каковым по подозрительности Гишпанского Правительства едва ли кто подобно мне воспользоваться может, привезть вам о всей торговле их, избытках, недостатках и прочем полные замечания»... Этокое диковинное совмещение приятного с полезным. А вот из предсмертного письма к Булдакову: «Из калифорнийского донесения моего не сочти, мой друг, меня ветреницей. Любовь моя у вас в Невском, под куском мрамора, а здесь — следствие энтузиазма и новая жертва отечеству. Контенсия мила, как ангел, прекрасна, добра сердцем, любит меня; я люблю ее и плачу о том, что нет ей места в сердце моем»...

А еще одна жертва на алтарь отечества легла на Св. Елене... Тоже как невольное «следствие энтузиазма». Об этом, о непоправимости поступков, о странных следствиях самых благих побуждений, и рассказывал Курганов. О людях, о человеческих отношениях на примере совершенно реальных, реально описанных персонажей. А редакторы ожидали бодрой повести о славных свершениях. «И понятно, почему повесть Курганова не захотели печатать».

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЯТОЕ (РЕДАКЦИОННОЕ). Александр Зорину можно писать по адресу: 305026, Курск, пр.Ленинского комсомола, 75, кв.140. Михаилу Зорину пишете на адрес редакции.

людей прошли и сели на скамейку. Славкины кроссовки хлюпали от воды. Я заставил его разуться и мы стали выжимать его носки. Все это сопровождалось бурными всплесками Славкиного веселья. Упал он довольно удачно — промокли только обувь и рукава. Хоть и было солнечно, но все же — начало осени. Я перепугался за его здоровье и побежал в ближайший киоск, где за любые деньги хотел купить Славке какие-нибудь носки. Как назло, носков не оказалось. Я вернулся к скамейке. Славка уже обулся. Я схватил его за руку и мы помчались в кафе, где из горячего оказался только горячий шоколад. Я купил Славке сразу три чашки. Славка был доволен. Еще бы! Вместо заслуженной нахлобучки — такая вкуснятина. Потом, когда я сдавал это чадо его маме, я пообещал ей, что если она еще когда-нибудь отпустит Славку со мной, мы будем за километр обходить все открытые водоемы.

Был я и в Минске в гостях у Славки. Досих пор мы с ним переписываемся. Вот только писать он не любит, за что я его и ругаю каждый раз при встрече. Да разве его переделаешь. Такой он человек — Славка. Сейчас, конечно, он уже взрослый, но для меня он навсегда останется

веселым и немного разболтанным ребенком с торчащими в разные стороны волосами, звонким смехом и ясной душой.

...Для тех, у кого хватило терпения дочитать вышеизложенное до конца, я хочу сделать некоторые пояснения. Дело в том, что все это писалось мной в течение нескольких лет и предназначалось исключительно для «внутреннего применения». Просто мне хотелось каким-то образом задержать, все более стремительно уходящее от меня, ощущение покоя и беззаботной ясности, которое я испытывал только в детстве и вот еще в ВНЦХ. Я набросал для себя некий каркас, который обрабатывает в моих воспоминаниях цветом, звуком и пространством. Вряд ли то же самое может произойти с посторонним человеком при чтении моих заметок. Для этого текст должен обладать хоть какими-то литературными достоинствами. Но теперь, когда я обрел столько близких мне по духу друзей, я могу надеяться, что есть люди, которые поймут меня...

• 670009, Улан-Удэ, ул.Герцена,13, кв.37

ФАИНКИНЫ ДУМКИ

Любовь и Фаина Максимовы
Сланцы, Ленинградская обл.

Прекрасное утро! Ночью дождя не было, но лужи есть, почти на каждом шагу.

За завтраком так приятно подумать о прогулке по парку. По-моему, к обеду выглянет солнышко. Я так решила потому, что уже виднеются его лучи. Дети гуляют во дворе. Весело и радостно стало на душе.

Солнечные лучи пляшут на лужах разноцветными пятнами.

Эти же зайчики бегают по стеклу, образуя мелькающую радугу. Они бегают по стеклу, как яблочки по блюдечку. Выглядит очень красиво.

Теперь солнце светит прямо в глаза, но это очень приятно, тем более что служит прибавлением веснушек на лице.

Стоит только закрыть глаза, поднять повыше нос, ближе к солнышку. И все! — Готово! На ваших щеках появились еще 5-6 веснушек, а то и больше, может быть.

Чувствуется настоящая весна. Солнце «жарит», нет ни

облачков, ни тучек. Как не хотела сдаваться зима, но ушла с позором. Ей след смеялись и тыкали пальцем в спину.

За весной придет лето.

Любого ребенка спроси, он скажет, что его любимое время года — это лето или весна.

Все дети любят тепло, материнскую ласку. Это им так необходимо. Особенно маленьким.

Да и большим, взрослым, нужна поддержка. Все люди, как дети, нуждаются в тепле, ласке и участии. Все мы люди, все хотим мира в мире.

Мы не замечаем, как идут дни, годы. Организм у человека чувствительный. Например, посмотришь на ночь «ужастик», а потом спать ляжешь — так тебе может плохой сон присниться... Да, присниться может всякое!

Сон — это наше воображение, фантазия. Если бы не в состоянии фантазировать, то приснится какая-нибудь ерунда. Или совсем ничего.

Записано почти дословно по дочкиному тексту — Л.М.

• Адрес в редакции

МОИ БЕЗЛЮДНЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Людмила Рыжикова, Брянск

Вообще-то заглавные буквы здесь неуместны, ибо мои безлюдные пространства ничего общего не имеют ни с Космосом, ни со Вселенной, ни с Великим Кристаллом (что, впрочем, одно и то же). Если уж попытаться провести параллель... роднит их то, что эти безлюдные пространства обретаются на микроскопической территории диаметром метров 200-300, расположенной на планете Земля — одной из микрочастиц Вселенной.

Но так мне хорошо на этом пятачке, что для меня это все же Безлюдные Пространства. Мои собственные, мною открытые. О, видны они всем, а захожу туда лишь я одна. Для остальных это всего-навсего дикие заросли сорных трав и.. свалки мусора (особо брезгливых я освобождаю от дальнейшего чтения). А рассказ только начинается.

Позднее утро, сияющее всеми летними красками и благоухающее ароматами листьев, травы, цветов. Но я-то знаю, что настоящие краски и истинные ароматы еще впереди. Я стою на крыльце и натягиваю резиновые сапоги (без них никак нельзя), а мой пес Малыш исходит криками на цепи. Он-то уже знает, куда я собралась. «Да погоди ты, рыжее чучело, не рвись, дай отцепить... Куда по цветам?! Погоди, увидит мать...» Но рыжий хвост уже маячит где-то далеко за калиткой, а я с большой корзиной в руках несмешно бреду следом. Задача проста: нарвать травы для кроликов. Проста-то проста, но если ее приходится решать по три раза на день, а трава растет медленнее, чем хотелось бы, то в ближайших окрестностях мне делать нечего.

Бреду через школьный двор, радуясь неожиданной молодой и сочной поросли одуванчиков. Листья — в корзину, а на цветы рука не поднимается. Умом понимаю, что одуванчиковое племя бессмертно, сколько его не ври, но не могу ни сорвать, ни наступить на эти осколки солнышка. А вот поглядеть шмеля, присевшего на цветок, можно. Он бархатный и теплый, но к ласке не приучен, сердито ворчит. Ладно, работай. Тем более, что откуда-то из-за горизонта вернулся Малыш. Мласти он почти шмелиной, а горячий — не дотронешься. Лето!

В ласке пес толк знает и через пять минут опять уносится куда-то.

Я заглядываю на дно корзины, вздыхаю и иду проверить редкие кустики клевера — не подросли ли? Ну, на нет и суда нет, растите. Больше на дворе мне делать нечего. Ускоряю шаги, выхожу за калитку. За спиной школа и деревенская улица. Впереди и слева-справа — ограды. И... звенящая тишина, отгородившая меня от остального мира. Мои Безлюдные Пространства...

Жизнестойкость сорных трав повергает в восторг. Выпалываешь их, выпалываешь, но не успела согбенная спина распрямиться толком, как они снова красуются на картофельных рядах. Это очень красивое зрелище... если картошка не своя. А есть и заброшенные хозяевами полоски земли. Там настоящие джунгли, подлинны краски и ароматы, дивные до головокружения. Но я в джунгли глубоко не забираться, ибо мало там трав, привлекательных для кроликов. Просто смотрю, впитываю эту пестроту, эти одуряющие запахи, чтобы их хватило на осень, зиму... на всю жизнь. Стоять тут можно бесконечно, а садиться опасно. Ласково обнимающее за плечи солнце и мерный стрекот кузнечиков погружают в сладкую дремоту. М-м-м-м, и что это я тут делаю?

Спасибо Малышу, прибежал, растолкал. Работаем!» Самая аппетитная трава растет вдоль забора. Ого, какой роскошный куст пижмы! Осот, еще молоденький, неколючий... Одуванчики вымахали на воле... Клеверок — отлично! А вот лютик нам не нужен. Красиво цветешь. Братец, и цветы на здоровье.

Так, чего-то мне не хватает. Молочая! Но это не здесь. Самый лучший и самый сочный молочай (а также крапива, осот и лебеда) произрастает на свалке. Что тут «хомо сапиенсы» подкинули свеженького? Не вляпаюсь ни во что? кажется, все в порядке, но под ноги смотрю внимательно. (Сейчас-то я умная, в сапогах, в нежном шестилетнем возрасте однажды прискакала домой с подобной свалки на одной ноге, таща за собой метра три ржавой «колючки», прочно засевшей в пятке другой ноги.)

Корзина постепенно наполняется. Солнце жарит все

Рис. В.Саватеева

жаловался на самовольные действия американских капитанов, торгующих и ведущих промысел в испанских водах. Резанов тут же поведаль, как нехорошие капитаны Барбер и О'Кейн силой захватывают целые артели алеутов, увозят из неведомо куда и возвращают лишь за выкуп. При этом он смешал воедино историю с выкупом русских пленников, спасенных Барбером на Ситке в 1802 году, и плавание Джо О'Кейна в Калифорнию в 1803. И, ясное дело, даже не заинтересовался тем, что половину добычи О'Кейн отдал Баранову, как и было условлено — ведь ему дали для промысла «русскую» артель алеутов. И это Резанов преподносит как верх своего дипломатического гения. При этом страшно материт доктора Лангсдорфа, который рассказывал испанцам не сказки о процветании русских колоний, а правду о том, что видел — это, де, непатриотично.

При всем том никак нельзя отказать Резанову в прощальности и наблюдательности. Его энергия могла бы города освещать, и не умри он на пути домой, вся история Русской Америки могла бы пойти иначе.

И писал он здорово! Полностью его огромные письма из Америки никогда не были изданы. Тихмеев в 1863 г. опубликовал некоторые из них, вырезая острые места. Читаются же они не хуже романа! Одно описание похождения лейтенанта Хвостова и его пыльных загулов чего стоит!

Вообще же, когда читаешь или просто листаешь все эти документы, подлинники, написанные теми самыми людьми в то самое время, само собой возникает ощущение реальности прошлого. И, пожалуй, никто не передал это чувство лучше, чем Крапивин в «Журавленке и молниях» (хотя речь там шла всего лишь о книгах).

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРВОЕ (ПОЭТИЧЕСКОЕ)

*Я мечтал, закусив удила-с,
Свесть Америку и Россию.
Авантюра не удалась.
За попытку — спасибо.*

А.Вознесенский

ПОСЛЕСЛОВИЕ ВТОРОЕ (ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ)

Резанов Николай Петрович [28.03 (9.04).1764 — 1(13).03.1807]. Русский государственный деятель, почетный член Петербургской Академии Наук, один из руководителей Российско-Американской Компании. В 1799 г. выполнял функции правительственного контролера за ее действиями, затем возглавлял правление компании. Участвовал в организации в 1803 г. кругосветной экспедиции И.П.Крузенштерна-Ю.Ф.Лисянского. Имел поручение установить торговые отношения с Японией, вел дневник, составил «Словарь японского

языка» и «руководство к познанию японского языка». В Японии находился с 26.09.1804 по 06.04.1805, однако цель миссии достигнута не была. Посетив русские поселения в Америке, возвращался в Петербург. Скончался в Красноярске.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ТРЕТЬЕ (ТЕЛЕВИЗИОННОЕ)

Среди сообщений, мелькнувших на различных телеканалах, было и упоминание о том, что кладбище, где был похоронен Н.П.Резанов (в Красноярске) уничтожено, а надгробный памятник ему установлен совсем в другом месте...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(ОТ АЛЕКСАНДРА — МИХАИЛУ, ПРИШЕДШЕЕВ РЕДАКЦИЮ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА К ПЕЧАТИ).

1. «Похороны командора» — типичный газетный ляп. Никаким таким командором Николай Петрович

Интересные, однако, ситуации возникают! Встретились в редакционной почте два письма, да еще и от офоамильцев. Миша Зорин из Новосибирска откликнулся на заметку в одной из газет о Николае Петровиче Резанове, а Саша Зорин из Курска продолжил ведущийся уже давно в личной переписке разговор о Русской Америке — и тоже на Резанова «вышел». Так что волей-неволей диалог об одном из героев Крапивина на страницы «Голоса» вырывается. Подумаем? Поспорим?

КОМАНДОР РЕЗАНОВ

Михаил Зорин, Новосибирск

Вот — заметка, опубликованная в «общероссийской газете для всех» «Версты»:

ВТОРЫЕ ПОХОРОНЫ КОМАНДРОРА

На Покровском кладбище Красноярска нашел свой последний приют прах знаменитого командора Николая Петровича Резанова. Это произошло через 193 года после его смерти. Николай Резанов — имя, известное на всю страну. Прежде всего, благодаря рок-опере «Юнона» и «Авось». Но далеко не все знают, сколько испытаний выпало на долю этого человека после смерти. Действительный камергер Резанов скончался почти два столетия назад в Красноярске по пути из Америки в Санкт-Петербург и был похоронен на кладбище при одной из городских церквей. Но в 1937 году эта церковь была разрушена, и могила с прахом Резанова затерялась. Много лет потребовалось краоведам, чтобы отыскать останки великого россиянина. И вот, это, наконец, свершилось. Теперь место захоронения Николая Резанова вновь известно всей России.

Недавно по телевидению и в прессе прошло сообщение о перезахоронении того самого Резанова, что описан в «Островах и капитанах» командором Крапивиным! Ох, и мрачный же получился этот человек! И рисунок Е.Стерлиговой только усилил впечатление. А портрет, показанный по телевидению, совсем другой! На нем изображен веселый, жизнерадостный человек, и трудно представить его таким, каким он получился у Арсения Викторовича Курганова. Если бы он был таким сухарем, то вряд ли невеста Резанова, дочь калифорнийского губернатора, узнав о его смерти, ушла в монастырь, дав при этом обет молчания. Вот такая любовь. А Крапивин, вместе с Кургановым и Крузенштерном увидели в нем совсем другого человека! Хотя командор он не в крапивинском смысле, но все равно, доброе имя его не нужно забывать. И понятно, почему повесть Курганова не захотели печатать...

Александр Зорин, Курск

Резанов, надо сказать, действительно выведен у Крапивина весьма близко к «оригиналу», каким он выглядит в документах. Известный своей язвительностью капитан Головин говорил о нем: «Сей г.Резанов был человек скорый, горячий, затейливый, писака, говорун, имеющий голову, более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания». И верно, на язык Резанов был скор и остер. Очень здорово его характеризует маленькая записка, отосланная им в Петербург по прибытию на Кадьяк. Резанов пишет своему родственнику и директору Российско-Американской Компании Булдакову, спеша передать свежие и явно непроверенные слухи, в истинности которых он убежден: «Баранов, замаравшись, как слышал я, подарил Лисянского по меньшей мере на 10000 рублей, но тот, принимая, еще солгать располагает и все-таки обещает доносить по приезде, чтобы выслужиться» (на самом деле Баранов премировал Лисянского за помощь в боях на Ситке суммой в 2000 рублей. Меньшие награды получили все члены экипажа «Невы» вплоть до последнего матроса). Не любил Николай Петрович флотских — Лисянский тут выглядит куда непригляднее «замаравшегося» Баранова. Дальше видно, в каком нервном возбуждении находился Резанов в тот момент: «Зделайте одолжение, напишите откровенно, как мои бумаги камчатския и первые и последние приняты» (как раз о «бунте» Крузенштерна). «Я думаю, министр коммерции не очень доволен, но я, право сказать вам, не боясь стихии, людей еще меньше трушу. Если совершить японскую экспедицию не удастся, то на кол живаго посадят, но мы не дадимся и полетим сами на воздух.. Будущее лето решит жизнь мою». И тут же, без перехода: «Не забудь по приходе корабля «Надежды» взять у штурмана Каменщикова два ящика раковин японских и бразильских». В этом весь Резанов.

А как он в письме министру коммерции беззастенчиво похваляется тем, сколь ловко он навешал лапшу на уши испанскому губернатору Калифорнии! Тот

сильнее. Небо стекленеет, а мой бедный Малыш уже не носится, плетется за мной, высунув язык и пытаюсь укрыться в моей тени. Ладно, скоро дома будем. Вот только набью корзину с верхом.

Легко сказать, «с верхом». Нет ее, травы-то. Хочешь, не хочешь, а придется идти туда... «Туда» — это дом, покинутый безалаберными хозяевами. Диву даешься. Как быстро слетает налет цивилизованности с такого вот места. Тропинка еще уцелела, но сбоку разросся репейник двухметровой высоты. Приходится заирать голову, чтобы полюбоваться его малиновыми цветами. Чернобыльник у крыльца скребет верхними ветками по крыше. Сорнякам раздолье, а садовые цвет лишь кое-где вытаскивают робко головки, к солнышку тянутся. Куст красной смородины осыпается, никак его не

оберут соседские ребятишки. От горсти-другой прохладных кисловатых ягод и я не откажусь. Но вообще здесь неуютно. Кажется, что дом с укором смотрит тебе в спину. Скорее, скорее — горсть травы, другая. Третья — готово!

Прощайте, безлюдные Пространства, до завтра!

Мне остается сделать несколько шагов — и вот он — Дом, живой, теплый, уютный, мамин, папин и мой. Малыш уже нырнул в свой подкоп под кладовкой — там прохладно и покойно. А я иду кормить ушастых, пушистых и глазастых. Колени исхлестаны крапивой, руки во вьевшей зелени, в каком-то пальце чую заносу, плечи опалены солнцем, во рту все пересохло... Но до чего же хо-ро-шо!

• 241000, Брянск, главпочтамт, а/я 173

Яна Знаменская, Обнинск

Сейчас я читаю книгу Пола Андерсона «Патруль времени». Этот Патруль борется с теми, кто нарушает ход истории — поскольку в далеком будущем машины времени стали доступными.

Основная цель, которой руководствуется Патруль — не благо человечества (меньше крови, быстрее прогресс и т.п.), а то, чтобы остались (родились) все те, кто появился на свет при обычном течении истории. Этим руководят данеллиане — сверхлюди далекого будущего, поскольку при ином ходе истории они вообще бы не появились. Вообще, в историю вмешиваться можно, поскольку ткань времени эластична, но есть личности и ключевые события, которые трогать нельзя, поскольку они определяют развитие человечества.

Я бы, наверно, была среди тех, кто вмешивается в историю. Почему, например, нельзя изменить одно событие, а потом посмотреть, к чему это приведет в перспективе? может, все оказалось бы лучше, гуманнее, интереснее... А если нет — так всегда есть возможность вернуться в ту же точку и исправить все на «так, как было». Правда, есть шанс пересечься с самим собой — но эту возможность тоже можно было бы учесть.

И еще я открыла для себя мир хайку. После прочтения статьи Алексея Андреева «От цветка к саду» («Новое литературное обозрение», 39). Автор этой статьи — редактор журнала «Хайку» в Интернете.

До сих пор я не очень серьезно относилась к этой форме. Ну, старояпонская поэзия, которую не пересадить на западную почву (ведь еще имеет значение

каллиграфия, да и вообще мировосприятие). Ну, можно время от времени писать в качестве подражания трехстишия. Но, когда я залезла в Интернет на www.net.xl.spb.ru/frog, я увидела целые подборки японских, русских и западных хайку — я поняла, что вот она, та форма, которую я искала.

Сейчас для меня большим препятствием является многословие, которого практически не могу избежать, когда пытаюсь писать что-то рифмованное. Обычно же бывает как: возникает образ, который можно выразить одной-двумя строками, а все остальное — получается, только комментарии. В хайку же недосказанность — это как раз то, что нужно, а многословия просто по определению быть не может.

А еще в этом журнале есть интерактивная игра рэнга. Суть игры такая. Один пишет трехстишие, второй добавляет двухстишие, чтобы они вместе составляли танка, третий к двустихию добавляет еще трехстишие, чтобы опять получилась танка, и т.д. Собственно, оказывается, хайку как жанр родился из этой игры: раньше японцы писали танка, а позже постепенно стали писать хокку (трехстишия специально для игры), и потом отдельные хайку. Вот в эту игру я еще залезть не решилась. В статье, кроме «лягушатника», приводится еще штук 5 интернет-адресов, западных. Правила сходные, но кое в чем отличаются. Интересно было бы играть в рэнгу по переписке — типа как игра в шахматы по переписке... Если что, то, называется, ишу желающих.

До новой встречи!

• Адрес в редакции

ГАБРИЕЛЬ ФОРЕ РЕКВИЕМ

Борис Тараканов, Москва

Реквием Габриеля Форе... Пожалуй, это единственное сочинение «заупокойного жанра», которое не акцентирует внимание слушателя на идее смерти и сценах Страшного Суда, как это было у Моцарта, Верди, Берлиоза, и их последователей. Мрачные пророчества этих произведений Форе, как известно, не любил. В пику сложившейся традиции он решил создать Реквием, где основной идеей была бы не смерть, но Вера, Покой, Мир и Любовь. А образ смерти воспринимался бы, как долгожданное избавление, переход к тем самым высшим сферам, о которых грезят философы всех времён и народов.

Первоначальная идея композитора заключалась в пяти номерах Заупокойной Мессы, где был использован хор мальчиков (с солистом мальчиком-сопрано), небольшой оркестр и орган. В таком «компактном» виде произведение было исполнено в 16 января 1888 года на одной из панихид. То, что получилось, совершенно Форе не удовлетворило, и в следующую редакцию он ввёл полноценный смешанный хор, солиста-баритона, значительно расширил оркестр, и добавил партию литавр. В произведении появились дополнительные фрагменты, а в номер «Sanctus» было внедрено «эфемерное» соло скрипок, придающее этой части произведения потрясающую силу воздействия. Практически сразу Реквием прочно обосновался в концертных залах, хотя Форе настоятельно подчёркивал литургический характер своего детища.

Представьте себе католическую заупокойную службу, равномерно распределённую в семи музыкальных фрагментах, стилистически оформленных в духе полотен Клода Моне. Служба эта совершенно лишена налёта мрачности: вместо ауры смерти нам предлагается ощущение покоя, вместо мрачной скорби — светлая грусть, вместо хрестоматийных картин ада — образы Рая, и светлая надежда вместо смертельной безысходности... Может быть, именно по этим причинам Форе исключил из своего произведения те части, которые акцентируют внимание слушателя на образах мрачных и

военным уклоном. Ведь должен кто-то учить мальчишек мужеству, не бояться трудностей, да и просто подготовить их к армии, научить навыкам, помогающим легче войти в армейский быт, не сломаться, соприкоснувшись с армейской действительностью. И для этого совершенно не надо устраивать из клуба «казарму» со всеми её «прелестями» — это только повредит. Здесь всё зависит от ума инструкторов и их амбиций.

Я расскажу о «Военно-спортивном клубе Юных парашютистов и десантников» «Беркут» (КЮПид).

Клуб родился в 1981 году. В то время заниматься карате, ушу было запрещено, да и негде. А мы не хотели бросать заниматься. Помог Горком комсомола. Там тогда ещё не просто разглагольствовали о детях, но и многое делали. Подобрали инструкторов, выделили полуподвал, повесили объявления в школах. Так появился «Комсомольский военно-спортивный клуб», а проще КВСК. Клуб опирался на школы. Практически в каждой школе города был «кусочек» КВСК — по нашему: взвод. Во взводе было по два инструктора. Взвода объединялись в батальон. В то время мы занимались больше спортом, чем армией. Занятия Карате преследовались законом и поэтому мы учили ребят самбоу (приёмы личной обороны десантных войск). Вообще-то это тоже не приветствовалось, но Горком ВЛКСМ и Военкомат нас прикрывал, и мы выжили.

Жили мы тогда бедно и непросто. Долго выбывали помещения. Досаждали проверки разных инстанций. Не было никакого инвентаря. Инструкторам не платили. Но нам помогали. Пока не было помещения, собирались в Горком ВЛКСМ, помогал военкомат и Лётно-исследовательский институт (ЛИИ), многие директора школ. И мы жили.

Шли занятия, проводились соревнования между взводами (и не только по рукопашному бою). Проводили зимние и летние Военно-спортивные лагеря, в которых ребята учились самообслуживанию, получали некоторое представление об армии и дисциплине. Но «казармы» у нас не было. Была игра в армию, но на серьёзном уровне. В лагерях мы перетасовывали школьные взвода и разбивали людей на лагерные взвода, подбирая ребят по возрасту и силам. Это давало, помимо всего, один не мало важный эффект — в городе

резко упало количество тренировок и драк между ребятами из разных школ. Летние лагеря тогда проходили на базе ЛТО (кто не помнит тех времён, поясню: ЛТО — «Лагерь труда и отдыха»). С утра до обеда — работа в полях, тихий час, потом либо что-нибудь общелагерное, либо каждый взвод занимается по собственному плану. В лагере один взвод был дежурным: заступал в наряд — помогал по кухне, следил за порядком в лагере, нёс патруль по ночам и у нас никогда не было проблем с местными как в школьных ЛТО. Всё было тихо и мирно.

Время шло и мы менялись. Менялись директора — изменялся и клуб. Сначала он становился более военным, чем спортивным. Но все директора радели о деле и клубе, просто каждый учил тому что умел и знал. Спорт отходил на второй план, появились признаки казармы. Конечно до армейской ей было далеко, но и это было слишком. В то же время укрепилась материальная база. Клуб получил много списанного военного имущества. Но люди стали копировать армию, пытаться стать её частью. Появилось некоторое высокомерие.

А время не стояло на месте. В 1989 году пришла волна новых инструкторов и новый директор. И казарма отступила. Клуб вновь стал более спортивным, чем военным. Пришла парашютная подготовка и прыжки (для желающих). И пришло новое время — страна стала разваливаться. Исчез ВЛКСМ и клуб сменил название на «Клуб юных парашютистов и десантников» (КЮПид) и перешёл под НарОбраз. Резко сократилось финансирование, (правда изредка помогают спонсоры). Сократились инструкторские ставки. Многие инструктора ушли (жить-то надо). Школы отказывают в спортзалах — их выгоднее сдавать. И всё же мы живём и до сих пор бесплатны! В клуб приходят 160 мальчишек и девочек и занимаются дзю-до, карате-до, ПДП (парашютно-десантная подготовка) и прыгают с парашютом, занимаются стрелковой подготовкой и стреляют из мелкашек и луков. Проводятся летние лагеря и соревнования по различным видам боевых искусств. Проводятся дискотеки. Занятия проходят в основном в помещении клуба.

Мы живы и умирать — не собираемся!

• 140160, Московская область, г. Жуковский, ул. Гагарина, 49, кв. 81

кругленький мальчишка 10 лет, одетый в зеленую штормовку, воскликнул:

— Тут же нарисована вот эта вот поляна! Вот береза! Вот куст! Вот пенёк!

— А ведь и правда! — обрадовались ребята. — Наверное надо отмерить от березы 6 шагов на север, 8 на запад и 3 на юг!

Попробовали. Копали, копали — ничего нет! И тут под ногой Митьки земля вдруг провалилась и он, споткнувшись, упал.

— Что это?

А Надя с Пашкой покатились со смеху! А за ними и все остальные! Насуленный Митька ковырялся в яме и вдруг радостно закричал:

— Да вот же он! Клад-то! — и выудил из ямки банку со гущеным молоком!

— Долго бы вы его искали! — давась смехом, сказала Надя — На карте же в метрах было! А вы в шагах! Шаги-то у всех разные!

Все весело смеясь пошли обратно в лагерь. Посвящение в туристы продолжалось!

Так проходило посвящение в туристы Туристической секции средней школы N7 города Жуковский Московской области.

Там еще было много чего! Например, каждый посвящаемый в туристы должен был съесть «Ложку Священной Каши Туриста!» А это такая каша! — Манка + гречка + овсянка + пшено + ... (вообще все что смогли найти!) + по больше соли и пожалуйста — «Священная Наша Туриста» готова! Пожалте к столу! То есть к ложке! Ничего! Глотайте! Зато как только проглотите — вам губы тут же намажут гущеной!

А вечером у ностра долго-долго будут разговоры и песни под гитару! И никто не будет никого гнать спать! А завтра можно будет спать пока не надест! Только жалко что завтра уже придется возвращаться домой.

У этих ребят интересная жизнь. Они учатся понимать лес, ходить по азимуту с компасом и без него, оборудовать привалы, готовить на костре и многому другому.

А еще они ходят в походы! Причем не только по окрестностям. Старшие были и на Кавказе, и в Крыму, и в Карелии, и во многих других красивых, интересных уголках страны!

А после похода, когда ребята приведут в порядок вахтенный журнал похода, куда записывается все происходящее в походе, отпечатывают фотографии с отснятых фотопленок, проявят и смонтируют кинофильм — они собираются в школе на «Гусятник», где вспомнят пройденный маршрут, посмотрят фотографии, походный кинофильм, попьют чаю из пропавших походных канов (котелков), споют любимые песни и грустные разойдутся по домам, чтобы через день-два снова встретиться всем вместе на тренировках в спорт зале, на занятиях по технике и тактике туризма, готовиться к новым нелегким, но таким интересным походам!

И через несколько месяцев зимой, летом, весной, осенью они снова будут идти усталые, пропыленные, но довольные, по новым дорогам. И, кто знает, может быть на этих дорогах они повстречаются и с тобой, читатель!

21 марта 1994 года.

Послесловие.

Эта заметка писалась в 1994 году, когда мы ещё занимались туризмом при Школе №7 в г. Жуковский, по просьбе редактора хорошей детской газеты «Жили были». Хорошее это было время, но с тех пор многое изменилось. Мы были вынуждены покинуть территорию школы (по ряду причин), что в целом было к лучшему. Теперь секция живёт в клубе Юных Парашютистов и Десантников «Беркут» в том же городе. Надолго ли? Надеемся да. Посмотрим!

«БЕРКУТ» ПРОДОЛЖАЕТ ПОЛЕТ

Взлететь легко, а вот мягко приземлиться — это надо уметь.

У очень многих сложилось стойкое негативное отношение ко всем детским военно-спортивным клубам и объединениям. Вероятно из-за слова «военно» (что ассоциируется с казармой) и воспоминаний о военном коммунизме. В жизни всё, как обычно,

сложнее. Весь вопрос в соотношении — сколько «военно» и сколько «спортивно». Мальчишек всегда притягивал спорт и мальчишки всегда бредили армией и играли в войну (во всяком случае, большинство мальчишек). А если есть такая потребность, значит будут и клубы с

неотвратимых. Получилась очень светлая ажурная конструкция со слегка размытыми контурами, в виде уходящей в заоблачные дали пирамиды, недостижимая вершина которой символизирует власть, силу и мудрость Всевышнего, а подножие — Дорогу. Дорогу каждого в постижении этой мудрости.

Сосредоточенная мелодия в середине первой части («Requiem Aeternam» — «Вечный покой даруй им, Господи, да вечный свет воссияет им...») переходит в короткую молитвенную «Kirie eleison» — «Господи, помилуй», а затем в спокойную «O Domine Jesu Christe, Rex Gloriarum» («О Господь Бог Иисус Христос, Царь Славы...»), когда вдруг смолкает оркестр, а хор a-cappella воздаёт Всевышнему тихую чистую молитву. Постепенно звуки оркестра начинают вплетаться в плотную хорошую ткань, подготавливая соло баритона: «Молим Тебя...». Строгим звучанием начинает вторить ему хор, постепенно увеличивая громкость, потом, вновь уменьшая её, как бы возносясь, всё выше в своём звучании и растворяясь в бесконечном небесном просторе...

После небольшой паузы наступает самая светлая часть Службы — «Sanctus» («Свят, Свят, Свят, Господь Бог Саваоф...»), где в сдержанную переключку между женской и мужской группой хора, проходящей на фоне перебора арф, вплетается божественное соло скрипок. Хор небесных ангелов воспевае величие Творца: «Исполнил небо и землю славою Твоею...». Словно приоткрылись на миг Врата Рая и пролился оттуда Вечный Свет: «Осанна в Вышних, Осанна в Вышних, Осанна в Вышних...». Но миг этот краток — вновь закрываются недостижимые Врата, и только последний заоблачный вздох: «Sanctus...» напоминает о том, что ещё мгновение назад мы слышали пение Ангелов...

Молитвенное соло сопрано в «Pie Jesu Domine» («Милостивый Господь Иисус») похоже на пение возносящейся бесплотной души: «Дай же им покой...». Оно как бы предопределяет следующий номер Реквиема — «Agnus Dei» («Агнец Божий»). Философский настрой этого фрагмента подчёркивается волнами то нарастания, то уменьшения громкости, и выливается под конец в мощное tutti хора и оркестра — в объединяющий

молитвенный порыв: «Агнец Божий, взявший грехи мира, прими молитву нашу!». А позади этих мощных молебных раскатов вздыхает мерно всегда сосредоточенный, торжественный и невозмутимый орган... Здесь коротко возвращается мелодия вступления к первой части: «Вечный покой даруй им, Господи, да вечный свет воссияет им...», но уже завершаемая просветлёнными мажорными аккордами. Что это? Нетрадиционный подход или символ надежды? Вряд ли мы сейчас найдём точный ответ.

Следующий номер «Libera me», «Освободи меня, Господи, от вечной смерти...» — присутствующее во всех Заупокойных Службах своеобразное размышление о «жизни после жизни». Здесь коротко возникает картина «Дня Гнева» («Dies Irae»), но не как симфол утрашения. Скорее как часть древней покаянной молитвы: «Освободи меня от скорбного дня гнева Твоего». Словно издалека повторяет хор слова баритона: «Освободи меня, Господи... Освободи меня...».

Номер «In Paradisum» («В Раю») медленно открывает перед нами Дорогу. Может быть даже ту самую, которая серпантином опоясывает Вселенную, и на которой по древнему преданию встречаются все... Начинается она где-то на земле, а окончание её теряется в звёздных далах — там, где сияет воспетый Библиейскими Пророками Горний Иерусалим...

Словно из ниоткуда опять возникает пение Ангелов, а из-за пронзённых закатным солнцем кучевых облаков начинает литься добрый серебристый свет: «В Райский сад приводят Тебя Ангелы, Твой приход приветствуют праведники. И вводят Тебя в небесный град Иерусалим...»

Современник Габриеля Форе астроном Карло д'Эспозито написал в одной из своих книг: «Форе создал единственную в своём роде Заупокойную Мессу, которая уводит нас от страха смерти в царство чуткой ясности и совершенного счастья».

Лучше, по-моему, и не скажешь.

- 125299, Москва, пер.2-й Новоподмосковный, 3а, кв.5
- Boris@cdu.ru

В отличие от «Той стороны» в «Голосе» до сих пор не появлялись материалы, связанные с педагогикой. Однако две заметки Игоря Глотова, на наш взгляд, могут заинтересовать многих, в том числе и не связанных с работой с детьми. Но, прежде чем предоставить слово Игорю, предлагаем вашему вниманию его рассказ о себе — он был опубликован в «Той стороне», № 9, но ведь среди читателей «Голоса» немало и новичков.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О...

Игорь Глов, *Жуковский Моск. обл.*

Для начала всем Здравствуй! И позвольте сразу пожелать всем удачи! (Всегда приятно поздравиться и пожелать хорошего здоровья, неравнодушным людям.)

Зовут Глов Игорь Витальевич. Родился я 7 апреля 1960 года в г. Жуковский, Московской обл. В 1984 году закончил МЗИ (Московский Энергетический институт) Радио-технический факультет (РТФ). Два года работал инженером, потом два года отслужил в СА офицером на крайнем Севере, что наложило на меня неизгладимый отпечаток. Сейчас работаю инженером по родному профилю в НИИ Авиационного

Оборудования (НИИАО) г. Жуковский. Живу с братом (брат женат, двое детей). Родители умерли. Помимо работы с 1988 года веду секцию детского туризма при одной из средних школ (№7) г. Жуковский, и иногда помогаю проводить занятия по выживанию в «Клубе юных парашютистов и десантников «Беркут»» (этих я знаю давно — когда-то сам участвовал в его (клуба) создании, правда несколько не в той ориентации, которой он сейчас).

Дополнительные увлечения: фотография (последнее время мало); кино (снимаю, проявляю — последнее время в основном хроникальные турклубовские); техническое конструирование (на пару с братом — к сожалению, особенно сейчас, на это

практически не хватает времени).

Вообще люблю: лес, горы, книги (детские в частности).

Любимые занятия: 1. (К сожалению редко получается) Бросить все и умотать в г. Екатеринбург в гости к «Наравелле», «Рафали», «Цунами» (и др. отрядам), потреться о том и сем со Славой, Пашей, Ларисой (Крапивинскими) (кстати, когда я спросил у Славы в свой первый приезд — как мне его называть (а все вокруг его называли Слава — от любого каравелловца до инструктора), он ответил: «Хоть горшком назови, только в печь не ставь.), по строгать и попилить (зимой) и покрениться на яхтах (летом); 2. Читать книги, да и вообще порыться в оных; 3. Слушать В. Высоцкого и бардов; 4. Спать.

НА ЛЕСНОЙ ТРОПЕ

(Туристический цикл)

Игорь Глов, *Жуковский Моск. обл.*

До вечера было еще далеко. Весеннее солнце грело уже по летнему. Легкий ветер перебирал клейкие недавно распустившиеся листья. На лесной поляне стояли три палатки. Посередине поляны уютно горел костер. У палаток и костра деловито сновали мальчики и девочки 10-14 лет. Веселый ребячий гомон висел над поляной. И вдруг из густой еловой чащи донесся очень громкий, дикий, тоскливый вопль...

И наступила тишина. На поляне все замерли.

Серезжа (слегка измазанный сажей человек лет десяти) придвинулся к сидевшему у костра взрослому парню.

— Что это? — испуганно спросила невысокая девочка в оранжевой непроходной ветровке.

— А кто же его знает! — нервно откликнулся парень.

— Игорь? Наши-то все здесь? — спросил высокий мальчишка, почему-то отворачиваясь от старшего.

— Нет, конечно! Кто за водой ушел, кто за дровами. Слушай, Мишка! Надо бы...

Но договорить старший не успел. Из ельника глухо донеслось:

— Помогите!! Помогите! Помогите... — Крики звучали все тише и замерли вдалеке. Игорь пружинисто поднялся и

сказал:

— Мишка, сбор! В лагере остается вахта — остальные вне перед! Надо выяснить — что там происходит!

Через минуту десяток человек, возглавляемых Мишей, двинулся в лес. На поляне остались трое ребят постарше. Все они весело ухмылялись.

А в это время вереница туристов углублялась в лес. Внезапно передний остановился. Путь вперед преградила путаница веревок. Игорь сказал:

— Придется пробираться сквозь эту «паутину», а то потеряем направление. Пробираться будем по одному. Прошедший оповещает следующего голосом. Я первый — остальные по порядку! Мишка! Пойдешь последним и проследи, чтобы не шли толпой!

Он ловко нырнул в переплетение веревок и исчез в густом ельнике. Через 15-20 секунд тишины из чащи услышали голос Игоря:

— Следующий пошел!

Следующим был чумазый Серезжа. Он нерешительно затоптался на месте. Мишка положил ему на плечо руку и шепотом сказал:

— Не бойся! Там же Игорь!

Серезжа вздохнул и полез в веревки. И тут же что-то зазвенело, загремело. Серезжа дернулся назад, Мишка резко крикнул:

— Не бойся! Вперед!

И Серезжа рванул в ельник! Со звоном и громом! Оказалось что ничего страшного нет — просто к веревкам и веткам привязаны колокольчики и старые консервные банки. Все по очереди продирались сквозь это «безобразие» со звоном и громом. И только Мишка вынырнул из чащи в тишине, как будто никаких банок и колокольчиков не было и в помине.

Все приободрились, догадавшись что ничего страшного нет и что это все игра.

Цепочка ребят двинулась дальше. Но (опять-таки) вдруг справа послышался жалобный стон. Лариска тихо

ойкнула и схватила Мишку за рукав. Стон повторился. Игорь решительно свернул вправо. Через метров 10 открылась небольшая полянка, посередине которой лежал мальчишка в дранной тельняшке, с залитым «кровью» лицом. Он лежал на боку, обхватив руками большой березовый крест. Туристы подбежали к мальчишке, и тут все увидели, что это — Пашка, весь измазанный красной гуашью. Пашка приоткрыл один глаз, разжал руки и обмяк. Крест выпал из его рук и, упав на землю, с треском сломался. Пашка приподнялся, оглядел столпившихся вокруг него ребят и, вытянув руку в направлении провета, сказал:

— Там... Надя... Спасайте... Сб КТО МОЖЕТ! И КТО НЕ МОЖЕТ!

После чего силы его иссякли и он упал на спину. А оттуда, куда он показывал, донеслись чьи-то бессвяз-

ные крики.

Отряд повернул туда, а за ним, как приведение — шагая и бормоча — тащился Пашка. Выйдя на широкую поляну, ребята сразу заметили большую березу, которая росла посередине поляны. К березе была привязана Надя. Рот у Нади был завязан желтой косынкой. Она мотала головой и что-то мычала.

Ребята подбежали к Наде и стали ее со смехом отвязывать. Когда были наконец распутаны все узлы, Надя со вздохом облегчения опустилась на траву и сказала:

— Долго же вы шли! У меня чуть карту не отняли!

— Кто?!

— Откуда?!

— Какую карту?!

Посыпались отовсюду вопросы.

— Кто, кто? — лесовики! А карта — с кладом! Смотрите!

И Надя достала из кармана измятый листок. Он был неровно оборван и с одной стороны обгоревший.

А на нем были нарисованы разные топографические знаки и еще была корявая надпись: «От бер сев 6 зап 8 у 3» И ниже еще «Коп там а там У-у-у!»

Присмотревшись к листку, Митя, невысокий

Рис. О. Лемоллера

Рис. О. Лемоллера

